



ДЕЛИЯ РОССИ

Наследница  
КАМЕННОЙ  
ПУСТОШИ

СОДЕРЖИТ  
НЕЦЕНЗУРНУЮ  
БРАНЬ

18+

# Делия Росси

## Наследница Каменной пустоши

*[http://www.litres.ru/pages/biblio\\_book/?art=50286583](http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50286583)*

*SelfPub; 2022*

### Аннотация

Моя тетушка, Леокадия Серафимовна Сумарокова, была дамой странной и непредсказуемой. И когда она завещала мне свой особняк, ничего хорошего от этого подарка судьбы я не ждала. И правильно делала, между прочим. Сами посудите – мало того, что в доме таинственные голоса слышатся, так еще и всякие настырные незнакомцы норовят на постой напроситься. А я девушка одинокая, незамужняя, сердобольная – разве могу я отказать? Нет, конечно. Пусть остаются. А уж потом разберемся, что из всего этого выйдет. Содержит нецензурную брань.

# Содержание

Глава 1	7
Глава 2	42
Глава 3	88
Конец ознакомительного фрагмента.	133

# Делия Росси

## Наследница

### Каменной пустоши

Гиблое озеро подернулось едва заметной рябью. Отражение луны в его черных водах дрогнуло, и вдали тут же слышался тоскливый крик ночного сарыча.

– Ничего не вышло, – безнадежно выдохнул лорд Сэливан.

Он стоял на берегу у самой воды, грустно глядя на искрящуюся голубоватым светом нить кребуса. Легкая, невесомая, она висела над озером, уходя почти до самой его середины, и обрывалась в том самом месте, где из воды выглядывал перевернутый лунный диск.

– Не отчаивайтесь, Ваша светлость, – тихо сказал Корнелиус – маленький кругленький человечек, в узких красных штанах и длинной сине-зеленой ливрее. Его комичная фигурка, похожая на яркий воздушный шарик, выделялась на фоне мрачного пейзажа своей абсолютной неуместностью. – Сайгерон милостив, он не оставит своих детей.

– Крылатый бог давно уже нас не слышит, – горько усмехнулся герцог и тихо, словно про себя, добавил: – Пятая попытка – и снова неудача.

Он пнул ногой прибрежную гальку. Один из камней от-

скочил и с глухим бульканьем ушел под воду.

– Может, в следующий раз повезет? – пробормотал толстячок, с опаской глядя на круги, расходящиеся по густой, маслянисто поблескивающей глади.

– Какой следующий раз, Корни? – скривился лорд Сэливан. Ветер нещадно трепал длинные фалды его сюртука, словно мечтая сорвать тот с могучих плеч. Темные волосы лорда развевались, на лице лежала печать безнадежной усталости. – Мы использовали все отведенные попытки, ни одной не осталось.

– И что же теперь будет? – растерянно спросил Корни. – Что нам делать?

Толстячок суетливо дернулся. Его полные щеки дрогнули, маленький рот испуганно приоткрылся, куцые бровки сдвинулись.

– Остается только ждать, – ответил герцог Бернский.

Он глубже надвинул шляпу и резким движением надел перчатки.

– Возможно, судьба сжалится и пошлет нам еще один шанс, иначе...

Лорд Сэливан не договорил. По его лицу скользнула темная тень.

– Хорошо, кабы так, – пробормотал толстячок, с сомнением глядя на матово поблескивающую воду.

Серебристая дорожка успела окончательно растаять, и теперь уже ничто не отвлекало внимания от бескрайней чер-

ной глади, страшной в своей красоте и невероятно притягательной. Озеро не зря называли Гиблым. За долгие годы оно забрало немало жизней тех, кто не сумел преодолеть его таинственный зов.

– Идем, Корни, – властно распорядился лорд Сэливан. Он легко развернулся и, не оглядываясь, пошел к виднеющемуся вдалеке лесу. – Нам здесь больше нечего делать.

– Да, Ваша светлость, – подобострастно закивал Корнелиус. – Как скажете.

Толстячок незаметно осенил себя робусом и торопливо припустил вслед за герцогом.

# Глава 1

– И больше сюда не звони! – я бросила трубку на рычаг и в сердцах выругалась.

Бородатый гоблин! Угроздило же дать свой номер этому Этьену! Знала бы, какой он маньяк, ни за что не сделала бы подобной глупости!

Старомодный телефон обиженно тренькнул и затих, всем своим чопорным видом выражая неодобрение.

Ну да, не привык он к такому обращению. Но тут уж ничего не поделаешь! Я совсем не похожа на его прежнюю хозяйку и церемониться с ним не собираюсь.

– Даже не надейся, – скорчила рожицу своенравному аппарату.

Не знаю, как ему это удавалось, но на черном корпусе еще отчетливее проступило недовольство.

Бред... Мало того, что разговариваю с вещами, так еще и эмоции им приписываю. Хотя что тут удивительного? Этот дом кого угодно с ума сведет!

Я обвела глазами строгую обстановку холла.

Высокие потолки, добротные дубовые панели, подставка для зонтиков, китайский фарфор – ни дать, ни взять, английское поместье. Ага. В центре России. Что тут скажешь? Была у тетушки неискоренимая тяга к аристократической жизни.

Я распахнула дверь и вышла в огороженный высоким за-

бором двор. Ровные палисадники, идеальные газоны, жеманные анемоны в горшках. Тыфу, гадость!

За те два месяца, что я прожила в доставшемся от тетушки особняке, его идеально-буржуазный вид мне порядком надоел. Хотя нет. Надоел – это еще слишком мягко сказано. Правильнее было бы выразиться – он меня чертовски бесил.

Скривившись, обвела пространство скептическим взглядом. Ишь, и цветет ведь все. Не вянет.

С улицы донеслась нецензурная брань.

Ух ты! Это кто у нас такой отчаянный?

Любопытство заставило меня приоткрыть калитку и высунуть голову наружу. И не надо мне говорить о том, что я нарушаю пятый пункт завещания! Ничего подобного. Я ведь не покидаю унаследованный участок? Во-о-от! Значит, могу сколько угодно любоваться томно пошатывающейся фигурой Виктора Степановича Горелова или, попросту, Горыныча, главного судьи района и моего, с некоторых пор, соседа.

– Ирма! Ирма, зараза! Открывай! – кричал Горыныч, пытаясь попасть ключом в замок калитки. – Я знаю, ты дома! Слышишь? Открывай!

Ирма была женой Горыныча, тощей, как жердь, дамой с вечно поджатыми губами и маленькими, недобрými глазками. Я таких, как она, насквозь видела. Вид – крайне неприятная особа. Подвид – сплетница лицемерная, обыкновенная. Не успела я заехать в тетушкин дом, как она тут же пришла

с черствым куском пирога, намереваясь попроситься на чаепитие. Ха! Не на ту напала. Пирог я взяла, а вот самую старую ведьму вежливо отправила восвояси. Не хватало еще в дом ее пускать! Потом сплетен не оберешься.

– Ирма! Кому говорю, зараза... Открывай!

Степаныч отчаялся открыть калитку и теперь попросту стучал по ней кулаком.

– А вы попробуйте перелезть, – посоветовала я.

Ну да. Вот такая я злыдня. А куда деваться? Захочешь зрелищ – и не на такое пойдешь.

– Д-думаете? – Горыныч глубокомысленно уставился на острые шпильки забора и сдвинул набок кепку.

– А чего тут думать? Лезьте! – подначила судью.

Степаныч крикнул, ухватился за выступающую часть металлической решетки и попытался закинуть ногу. Его ярко-красная футболка задралась, и Сталин, изображенный на ней, недовольно скривился.

– Ир-ма! Я уже иду! – выкрикнул сосед срывающимся фальцетом.

– Вы ножку, ножку-то повыше поднимите, – тихонечко посоветовала Горынычу.

Треск, раздавшийся пару секунд спустя, оповестил о том, что моя подсказка была услышана и принята к сведению.

– Ах ты ж...

Далее последовали непере译имые идиомы и упоминание чьей-то матери. А следом – звуки падения.

– Урою падлу! – взревел Горыныч, пытаюсь подняться.

– Кого именно? – невинно поинтересовалась я.

– А ты кто? – он повертел головой, пытаюсь понять, с кем разговаривает.

– Я? А меня здесь нет.

– Как это н-нет? – Степаныч возмущенно уставился в пространство. – Я же тебя слышу?

– А вы уверены, что слышите меня?

Я тихо угорала, разыгрывая Горелова. И мне было совершенно не стыдно. А что? Горыныч – тот еще гад. Ему полезно. Будет знать, как ко мне подкатывать.

– Вот бля... Допился! Голоса уже мерещатся, – неразборчиво пробормотал сосед и принялся с новой силой колошматить по калитке. – Ирма! Открывай, зараза! – громко заорал он. – Щас наряд вызову! Разберут этот долбанный забор по кирпичику, и я до тебя доберусь!

Ну, это он загнул! По кирпичику вряд ли получится. Там, навскидку, тысяч пять этого самого кирпича будет. Заборчик-то – ого-го! А наряд Горыныч запросто вызовет. В прошлый раз через пять минут приехали, я засекала. Не, можно, конечно, и на ребят в форме полюбоваться, вот только настроение у меня сегодня не то. Да и Ирмы Карловны, жены соседа, дома нет, а без нее настоящее представление не получится. Нет уж. Мы тут сами справимся.

Я приоткрыла калитку чуть шире и спросила:

– А может, не мерещится? Может, на самом деле, а? Ты

же хорошо меня слышишь?

Степаныч завертел головой. Никого, разумеется, не увидел. Да и кого он мог увидеть? Улица, как и всегда в это время суток, была пустынна.

– Точно, водка паленая! – выпучив глаза, буркнул Горыныч. – Убью Сем-м-мена! Опять конт... контр... контррррра-фактом напоил, падла!

– Что ж ты, Виктор, такими неприличными словами выражаешься? – постным голосом спросила я. – Нехорошо это. Не по-божески.

– Ты! – не выдержал Горыныч. – Хватит мне мозги делать, бя...! Ты кто? Ну-ка, покажись!

– Не могу.

– Поч-чему? – взревел сосед. – Кто ты, ва-а-пще?

– Я? Совесть я твоя, Витя.

Я печально вздохнула.

– А-а... Точно, белочка, – пробормотал мужик. – Все. Допился...

– Что ж ты, Витенька, в совесть, что ли, не веришь?

– К-какая с-совесть? – усевшись на землю, Горыныч уставился на соседский забор мутным взором. Лицо его скривилось в болезненной гримасе.

– Известно какая, – я едва сдерживала смех. – Обыкновенная. Чистая и незапятнанная. Ну, это в идеале, – уточнила вполголоса.

Брови Горыныча приподнялись, лоб сморщился, рот при-

открылся. Угу. Называется, работа мысли – налицо!

– Врешь! – спустя пару минут выдохнул мужик.

– А зачем мне врать-то? – беззаботно откликнулась я. – Того в природе нашей, совестливой, нету, чтобы людей обманывать. Это ты третьего дня старушку Семеновну обманул. А я не имею обыкновения лукавить.

– Семеновна – старая дура! – глубокомысленно изрек Горыныч.

Ишь ты! Дура... Эта дура поумнее тебя будет, дядя. Мировая тетка!

– А ты чего, невидимая, что ли? – снова решил докопаться до сути Горыныч.

– Невидимая, – согласилась я.

– Точно, допился, – со вздохом констатировал сосед. – Сейчас наряд в-вы-зо-ву. Пус-сть ребята разберутся, что за совесть такая... И откуда она тут взялас-сь...

Он полез в карман, пытаясь нашарить телефон, но на полдороге запнулся и снова заголосил:

– Ир-ма! Открывай, кому говорят!

Я уже собиралась продолжить представление, но тут случилось явление второе. И весьма своевременное.

– Ах ты ж, образина старая! Опять налакался, как свинья!

Мадам Горелова окинула мужа презрительным взглядом и распахнула калитку пошире.

– Как тебе только не стыдно? Устроил тут шоу, – она протянула руку и схватила мужа за шиворот. – Быстро домой,

придурок, – прошипела мадам и втащила упирающегося Горыныча во двор.

Эх, как же не вовремя старая мымра появилась! Такое развлечение испортила!

Я расстроено вздохнула и поплелась в дом, заниматься ненавистной уборкой. Расписание, чтоб его! Режим.

\*\*\*

«Дзи-и-инь... Дзи-и-инь...»

Рука сама потянулась к будильнику. Проклятый тетушкин горлопан! Да заткнись ты уже! Встаю я, встаю.

Иногда мне казалось, что зловердные часы испытывают особое удовольствие, заливаясь по утрам пронзительным во-ем. Вот прямо чувствовалось в их трезвоне некое скрытое зло-радство. Типа, что? Хотела понежиться в постельке подольше? А вот тебе! «Дзи-и-инь! Дзи-и-инь!»

Я потянулась, сползла с постели и поплелась в ванную. Оперлась на край раковины, нащупала зубную щетку. Так, Лерок, просыпаемся. Эй, просыпаемся, я сказала! Вздохнув, разлепила ресницы и уставилась на собственное отражение. Как и всегда, вид всклокоченной рыжей шевелюры мгновенно поднял настроение. А что? Я – свое собственное личное солнышко, и без разницы, какая на улице погода. Яркие огненные пряди – моя визитная карточка и отражение неунывающей внутренней сути.

Умывшись и приведя себя в порядок, врубила на полную громкость «Между нами тает лед» и, подпевая «Грибам», принялась заправлять постель.

Эх, еще немного, и можно будет все здесь поменять, а пока приходится терпеть этот проклятый викторианский интерьер. Рюшечки, оборочки, перина, куча подушек – любовь тетушки к розовому беспределу иногда бесила меня до чертиков.

Я взгромоздила последнюю вышитую думку в изголовье кровати и осмотрела спальню придирчивым взглядом. Огромная кровать – белая, воздушная на вид, зефирная даже. Большой трехстворчатый шкаф – солидный, с резными завитушками по краям, с бронзовыми накладками и изящными ручками. Пузатый комод, расписанный райскими птицами и розами. Невысокое трюмо, со множеством выдвижных ящичков. Бдя-я... Все такое приторно-цветочное, аж тошнит. И ведь не выкинешь ничего! Завещание, чтоб его!

«Между нами тает лед, – не желая грузиться своим абсурдным настоящим, громко запела я. – Пусть теперь нас никто не найдет». Ага. Никто и не найдет. Только не нас, а меня. Как вступила в права наследства, так и пропала почти для всех друзей. Кроме Людки Скрябиной никто не знает, где я. И за это нужно поблагодарить незабвенную Леокадию Серафимовну, царствие ей небесное, или где она там. Тетушка, конечно, была со странностями, но я никогда не думала, что настолько.

Монстр в юбке. Или, как любил говаривать Аркадий Леонтьевич, ведьма сушеная. Правда, я так и не смогла понять, ругательство это было или комплимент. Бывший муж Леокадии Серафимовны являлся большим любителем пива и воблы, и если провести параллель, то... Короче, ведьма и вобла звучали весьма похоже, особенно с прилагательным сушеная. Впрочем, это все не важно. А вот с завещанием те-тушка намудрила от души!

В голове снова зазвучал голос нотариуса: «Возлагаю на наследницу обязанность постоянного проживания в завещанном ей доме, при условии, что в течение трех месяцев со дня моей смерти, она ни разу не покинет пределов усадьбы и ни в чем не изменит ее обстановку. Также наследнице вменяется в обязанность ухаживать за прилегающей к особняку территорией...»

Там еще двадцать пунктов имелись. Не менее странных. Помню, в момент оглашения завещания не смогла удержаться от смешка, дослушав непонятные условия. Короче, тетя Лека постаралась максимально усложнить жизнь наследницы, то бишь меня. Ну, а я что? С последней работы как раз уволили, с квартиры хозяйка попросила, деньги почти закончились – почему бы и не ввязаться в очередную авантюру? А в том, что это наследство – та еще головная боль, я ни тогда, ни сейчас не сомневалась. Вернее, сейчас я знала это доподлинно.

– Между нами тает лед, – слова старого хита сами срыва-

лись с моих губ. – Пусть теперь нас никто не найдет...

Длинный узкий коридор привел меня на кухню.

Окинув взглядом огромную территорию, решительно бухнула на плиту чайник, распахнула дверцу холодильника, достала нужные продукты, и вскоре на сковородке уже аппетитно шкворчала яичница, а в тостере подрумянивались ломтики хлеба. Тэк-с. Пузатый фарфоровый заварник занял свое место в центре стола. Все. Можно было приступать к трапезе.

Я размешала в чашке сахар и усмехнулась.

Ох, Лерка, вот и стала ты «мещанкой во дворянстве»! Сидишь, чай из английского сервиза распиваешь. А ведь еще недавно из шербатой кружки чаевничала. Мысль о превратностях судьбы заставила меня философски вздохнуть, хотя размышления о жизни – не мой конек. Совсем не мой. Я больше человек действия. Ну, в том смысле, что я сначала делаю, а уже потом думаю. Но сейчас, на кухне тетушкиного дома, в окружении миленького бело-розового сервиза и трепещущих на ветру кружевных занавесок, непривычные мысли сами собой появились в моей бедовой голове. А что, если я стану такой же, как Леокадия Серафимовна? Властной, категоричной, странной? Вот поживу в этом сумасшедшем доме и заражусь непонятным безумием. Начну третировать соседей, друзей, родственников. Распоряжаться их судьбами. Доставать придирами и нравоучениями. А что? Денег у меня теперь столько, что могу позволить себе любой каприз.

Да, кстати, а не пора ли уже хоть что-нибудь себе позволить?

Я придвинула планшет.

Так. Доставку продуктов заказала, кроссовки для бега выписала, может, посмотреть что-нибудь из одежды? Что мне нужно? Новый спортивный костюм? Джинсы? Теплый свитер? Или замахнуться на кожаную куртку? А что? Август подходит к концу, неплохо было бы обновить осенний гардероб, раз уж теперь я состоятельная дама.

Стоп. А это еще что? Мне показалось, что в комнате надо мной раздались шаги.

Я поставила чашку на блюдце. Да не-е-т. Все тихо. Послышалось.

Ага, вот так и бывает – сначала шаги, потом голоса, а там и до нового имени недалеко, типа Екатерины Великой или Мэрилин Монро. И – в больничку. К Наполеонам, Гитлерам, Эйнштейнам и прочим выдающимся личностям.

Усмехнувшись, сдула со лба отросшую челку и покачала головой. «Пей чай, Лерок, – посоветовала себе. – Наслаждайся буржуйской жизнью».

Отхлебнув глоток, протянула руку, собираясь взять бананку, и неожиданно замерла, так и не дотянувшись до плетеной корзинки. Из тетушкиного кабинета донеслось чье-то покашливание.

А вот это уже интересно. В последние два месяца мне постоянно мерещатся какие-то звуки, но так отчетливо – впервые.

– Кто здесь? – крикнула на всякий случай.

Ответа, разумеется, не было.

«Глюки все это, Лерка, – убежденно сказала себе. – Сидишь тут в одиночестве, вот и лезут в голову разные глупости».

В комнате опять кто-то раскашлялся.

Нет, это уже слишком!

Я вышла из кухни, бесшумно прокралась по коридору к массивной дубовой двери и прислушалась. В доме было тихо. Ни тебе кашля, ни прочих шумов. Как я и думала, просто показалось.

Не успела облегченно выдохнуть, как в комнате снова раздалась голоса. Вернее, один, но какой!

– Григорий, хватит сопеть! – недовольно произнес он, и я с изумлением узнала собственную тетюшку, незабвенную госпожу Сумарокову.

– Простите, Леокадия Серафимовна, – раздался в ответ робкий, извиняющийся тенорок.

– Ну, что тебе опять не нравится? Лерка, конечно, стервь первостатейная, но хоть с характером, не то что эта размазня Галочка, – хмыкнула старушка.

Ого! Это про меня, что ли? Ну, спасибо, тетя Лека. Приятно узнать, какого лестного вы обо мне мнения!

– Что молчишь? Думаешь, я не права?

– Что вы, Леокадия Серафимовна? Вы всегда правы.

Мне показалось, или это был сарказм?

– То-то же, – наставительно произнесла тетушка, не заметив иронии собственного собеседника. – Пиши. Все движимое и недвижимое имущество завещаю своей племяннице, Валерии Павловне Оболенцевой. Написал?

– Валерии Павловне Оболенцевой, – повторил тенорок и добавил: – Написал, Леокадия Серафимовна.

– На, вот, возьми. Тут копии документов на дом и на землю. Зайди в контору к Циленскому и передай, что я жду его сегодня к пяти.

В комнате что-то звякнуло, загрохотало, и я очнулась от ступора. Я что, правда это слышу?! Встряхнув головой, рывком распахнула дверь и изумленно застыла на пороге. За изящным дамским бюро сидела Леокадия Серафимовна, собственной персоной, и строчила что-то гусиным пером в толстой, древней на вид тетради.

Рядом переминался с ноги на ногу невысокий человечек с грустным выражением маленького морщинистого личика и с тонкими цепкими ручками.

– Григорий, ты чего стоишь? – не поднимая глаз от писанины, спросила тетушка. – Иди уже, пока контору не закрыли.

– Слушаюсь, Леокадия Серафимовна, – пролепетал мужчина. Глаза его из грустных превратились в испуганные.

М-да. Жалкое зрелище.

– До свидания, Леокадия Серафимовна, – пробормотал человечек.

Он низко поклонился, суетливо прижал к груди документы и... растворился в воздухе.

– Никчемное существо, – буркнула тетя Лека. – Никакого от него толку.

Она отложила перо и посмотрела прямо на меня.

– Одна надежда, что Лерке поможет поначалу. Она хоть и стервь, а все ж моя кровь.

– Чего это я стервь? – не стерпела я. – Между прочим, у меня очень легкий характер, это все мои мужчины говорили.

Бывшие мужчины, если уж быть честной. Долго они рядом со мной почему-то не задерживались.

– Тетя Лека, а как вы здесь оказались?

Мысль о том, что разговариваю с почившей пару месяцев назад тетушкой, пришла мне в голову, но я от нее благополучно отмахнулась. Слишком уж она была невероятной.

– Да, извольте видеть, – усмехнулась Леокадия Серафимовна. – Валерия Павловна Оболенцева. Новая хозяйка Яблочного. Сказал бы кто десять лет назад – не поверила бы.

Тетушка покачала головой.

– А чего это не поверили бы? Детей у вас нет, так кому ж все и завещать, как не любимой внучатой племяннице?

Я возмущенно уставилась на родственницу.

– Девка, конечно, безалаберная, без царя в голове, так ведь и остальные не лучше, – продолжила сыпать «комплиментами» тетушка. – Эта хоть красавица, на меня в молодости похожа, а та же Галка – пугало пугалом! Как такой дом

оставлять? Ох, жизнь пошла. Приличную наследницу не сыщешь.

– Ну, знаете, – возмутилась я. – Зря вы так. Все пункты завещания я выполняю в точности, и за домом слежу, и за порядком. И даже за вашими анемонами.

Ага. Будь они неладны.

– Вот так вот живешь-живешь, а подходит время, и отдавай все какой-нибудь вертихвостке, – не слушала меня Леокадия Серафимовна. – Это ж надо! Десять мужиков поменять за полгода! Развратница. Но голова у девки варит, этого не отнять. И характер опять же.

Каких десять мужиков?! У меня от возмущения пропал дар речи. Это были свидания вслепую! Полгода переписывалась в интернете со всякими доморощенными мачо, а потом таскалась на встречи в «Асторию» – средней руки забегаловку, которая считалась самым приличным кафе в нашем Сорске. И ведь хоть бы один стоящий попался! Нет же, все, как один, размазня.

– Ох, поторопилась я, – отложив перо, вздохнула Леокадия Серафимовна. – Надо было с Лизаветой соглашаться. Не пришлось бы сейчас мучиться.

Пока я возмущенно размышляла о несправедливости судьбы, не балующей меня встречей с тем самым, единственным, Леокадия Серафимовна поднялась из-за стола, подошла к книжному шкафу и вытащила со второй полки толстую книгу, в красном кожаном переплете.

– И ведь все самой приходится делать, – продолжала ворчать тетушка. – Столько поручений, столько бумаг, – она отложила фолиант на столик и потянула на себя незаметную дверцу в глубине шкафа. – И никакой помощи. Не на кого рассчитывать.

Тетя Лека недовольно поморщилась, достала из тайника толстую тетрадь, открыла ее и пробормотала: – Так я и думала. Триста пятьдесят. А этот хитрый сукин сын Вобер решил меня провести.

Она обернулась, посмотрела прямо мне в глаза, недовольно скривилась и... совершенно неожиданно исчезла. У меня подкосились ноги. Только сейчас до меня дошло, что все увиденное мне просто привиделось.

– Да, Лерок, вот и пришла пора менять имя на более звучное, – пробормотала вслух. – Как насчет Марии-Антуанетты?

Я покачала головой и осмотрелась по сторонам. Комната выглядела старомодной и удручающе нежилой. Невысокий старинный секретер у стены, громоздкие книжные шкафы, письменный стол с бронзовой чернильницей и массивным пресс-папье, венский стул с мягкой подушечкой на сиденье, плотные синие гардины и голубой ковер на янтарно-желтом паркете. И, разумеется, никакой тетушки.

Я подошла к секретеру и подергала дверцу. Та подалась. Внутри оказались толстые тетради в разноцветных кожаных переплетах, наподобие той, что была в руках Леокадии Сера-

фимовны. Я достала верхнюю, открыла обложку и принялась листать страницы. Какие-то имена, колонки цифр, непонятные знаки. То ли бухгалтерия, то ли тайный шифр.

М-да. И как с этим разобраться?

Просмотрела остальные тетради, обнаружила в них то же самое: цифры, имена, знаки. Ну, тетушка, ну, конспиратор! Мата Хари доморощенная. Неужели нельзя было написать все четко и понятно? Вот что это? Ушаков – пятьсот. Чего пятьсот? Рублей? Тысяч? Или речь вообще не о деньгах?

Я хмыкнула, положила тетради на место и подошла к книжному шкафу. Так, вторая полка, красный фолиант. Вытащив его, сунула руку поглубже и наткнулась на потайную дверцу. Ну, и что тут у нас?

В тайнике лежала еще одна тетрадь. Ее коричневый переплет выглядел старым и потрепанным. Под обложкой скрывалась очередная колонка трехзначных цифр.

«Генри Торо – триста. Брем – двести пятьдесят. Теодор Шторм – семьдесят пять».

Имена, фамилии, суммы – что за бухгалтерию вела Леокадия Серафимовна?

Я задумчиво переворачивала листы, разглядывая испи-санные мелким, убористым почерком строки, и размышляла, чем же на самом деле зарабатывала на жизнь моя тетушка. Может, она занималась ростовщичеством? А что? Кругленькая сумма, оставленная мне тетей Лекой, говорила сама за себя. А если учесть, что Леокадия Серафимовна всю

свою жизнь проработала в городской библиотеке, то вывод напрашивался только один – мое наследство имеет не совсем честное происхождение.

Я еще раз внимательно просмотрела длинные столбцы цифр, закрыла тетрадь, сунула ее подмышку и покинула комнату. Толку стоять посреди кабинета и раздумывать над странностями происходящего? Я не сомневалась, что рано или поздно разберусь со всеми тайнами, а пока меня ждала уборка дома и территории. Пункт седьмой завещания нужно было соблюдать неукоснительно. Евгений Борисович, тетушкин адвокат, любил нагряться с проверкой в самый неподходящий момент, а штрафы и санкции, предусмотренные за нарушение условий, мне не особенно нравились. С какой стати я должна делиться со старым сморчком честно заработанным наследством? Нет уж! Как ни пытался господин Циленский меня подловить, выискивая хоть какие-нибудь нарушения, ему это еще ни разу не удалось.

\*\*\*

«Дзинь! Дзи-и-инь! Дзи-и-инь!»

Дверной звонок надрывался, а я никак не могла открыть глаза. Чтоб тебя! Кого там еще принесло? С трудом поднявшись с постели, посмотрела на часы и застонала. Шесть утра! Нет, это настоящее издевательство! Ну кому могло прийти в голову заявиться в такую рань?

Я накинула халат, влезла в тапочки и, на ходу попадая в рукава, потопала к двери.

На улице было прохладно.

– Кто? – дойдя до калитки, проскрипела хриплым со сна голосом.

– Валерия Павловна? – раздался в ответ низкий баритон.

Боже, какой тембр! Я моментально проснулась и заинтересовалась:

– А кто ее спрашивает?

– Мне нужно увидеть хозяйку «Яблочного», – настойчиво повторил мужчина.

– И зачем она вам нужна?

– Это я скажу Валерии Павловне лично, – упорствовал гость.

– Ладно, говорите, – я приоткрыла калитку и высунула голову.

– Госпожа Оболенцева? – уточнил мужчина. В его светло-карих глазах промелькнуло сомнение.

Ну да, на госпожу я мало похожа. В коротеньком махровом халате, в тапках с помпонами и со встрепанными рыжими волосами. Видок, конечно, тот еще!

– Она самая, – кивнула, с любопытством разглядывая незнакомца.

Высокий, хорошо сложенный брюнет, в потертых джинсах, в рубашке с закатанными рукавами и небрежно неброшенном на плечи свитере, стоял передо мной в зыбком

утреннем свете и насмешливо улыбался. На боку его болталась сумка Том Форд. Когда-то мне довелось пару месяцев поработать в бутике элитных аксессуаров, и я могла с легкостью отличить настоящее изделие от подделки. Мой собеседник был обладателем натурального эксклюзива. Судя по всему, нужды в деньгах парень не испытывал.

Пока я разглядывала незваного гостя, тот занимался тем же. Взгляд его скользнул по моему лицу, задержался на губах, а потом медленно опустился к вырезу ночнушки и застыл на груди. Ну да, там есть на что посмотреть, но это же не повод так пялиться?

Я запахнула халат поплотнее, сурово посмотрела на незнакомца и строго поинтересовалась:

– Так чего вы хотите?

– Передать послание, – серьезно ответил тот.

Мужчина достал из кармана сложенную вдвое бумагу и протянул ее мне.

«Валерии Оболенцевой, лично в руки, – прочитала я. Хм, интересно. Развернув записку, увидела две короткие строчки: – Выдели подателю сего комнату в правом крыле дома и проследи, чтобы у него было все необходимое. Леокадия Сумарокова».

Вот те раз! Я удивленно подняла глаза и наткнулась на смеющийся взгляд.

– Вы позволите?

Мужчина потянул на себя калитку.

– Стоять! – от неожиданности возглас получился слишком громким и резким. – Не торопитесь, – уже тише сказала я. – Вы, вообще, кто?

– Я не представился? – по губам незнакомца скользнула снисходительная улыбка. – Алексей Алексеевич Стахов, можно просто Лекс.

Он снова потянул на себя калитку, но я придержала ее и нарочито нахмурилась.

– Мне это ни о чем не говорит.

– Да? Разве Леокадия Серафимовна вас не предупредила? Неужели нет? Странно.

Алексей сдвинул брови.

– Впрочем, это очень похоже на вашу тетю, – добавил он. – Весьма своеобразная была дама.

Что верно, то верно. Леокадия Серафимовна отличалась странными манерами и довольно загадочными поступками. А уж ее шуточки... Тетка мастерски обнаруживала слабости окружающих и не стеснялась на них играть.

– И все равно, я так и не поняла, почему должна предоставить вам комнату, – уперлась я. Перспектива оказаться в одном доме с неизвестным квартирантом напрягала своей непредсказуемостью. Причем, боялась я скорее не его, а себя. Девушка я одинокая, незамужняя, душа у меня мягкая, истосковавшаяся по мужской любви и ласке, разве смогу я пропустить такой великолепный экземпляр?

– Постороннему? – удивился Алексей и обаятельно улыб-

нулся, отчего на щеках его появились ямочки. – Ах да, вы же не в курсе. Мы ведь с вами не чужие, Лерочка. Ваша тетя Лека – старинная подруга моей матушки. Они, кстати, были очень дружны.

М-да. Не самая лучшая рекомендация.

– Это только слова, – пожала я плечами. – К тому же никто не может их подтвердить. И вообще, с какой стати я должна пускать в дом совершенно постороннего мужчину?

– Посмотрите записку внимательнее, – хмыкнул Стахов. – Вы ее не дочитали.

Я расправила бумажку. Ничего нового. Все те же две строчки. Хотя нет. Стоило мне перевернуть листок, как на моих глазах возникли еще две. Чудеса какие-то!

Я подняла взгляд на собеседника.

– Специальные чернила, – небрежно пояснил тот. – Появляются только под особым углом.

– Угу, – машинально кивнула в ответ.

За последние два месяца я так привыкла к абсурдности своей жизни, что даже не удивилась. Одной странностью больше, одной меньше. Какая разница? Вернувшись к записке, вчиталась в мелкие строчки.

«Алексей Стахов – сын моей хорошей приятельницы, – писала тетя Лека, – надеюсь, ты не постыдишь гостеприимство Яблочного и окажешь мальчику всяческое содействие».

Хм. Мальчику? Может, тетушка имела в виду кого-то другого?

Я с сомнением посмотрела на Лекса. По мне, так мальчиком он не выглядел. Вполне себе взрослый мужчина, лет так тридцати пяти. Взгляд жесткий, с насмешливым блеском, губы твердые, четко очерченные, нос крупный, выдающийся властный характер. Занятный тип. Я бы даже сказала, опасный.

– Можно ваши документы? – спросила у гостя.

– Какая вы, однако, недоверчивая, – хмыкнул тот, доставая из портмоне паспорт и протягивая его мне.

Я уставилась на фотографию. Все верно. Алексей Алексеевич Стахов. Год рождения – восемьдесят четвертый. Надо же, почти угадала. Взглянув на штамп питерской прописки, незаметно пролистала пару страничек и убедилась, что неожиданный гость в браке не состоит и детей не имеет.

Хм. Выходит, к моему порогу прибило бесхозного мужчину? Редкая удача!

– Так я войду? – настойчиво повторил Алексей.

Я посторонилась, пропуская его во двор. Стахов вошел и захлопнул за собой калитку.

– А тут ничего не изменилось, – оглядевшись вокруг, усмехнулся он. – Все те же анемоны и флоксы.

Надо же, какие познания в цветоводстве! Обычно мужчины герберу от ромашки не отличают, а этот прям специалист.

– Вы бывали здесь раньше?

Я покосилась на гостя. Красивый все-таки сукин сын. И прекрасно осознает, какое впечатление производит на до-

верчивых девушек вроде меня.

– Да, доводилось, – неопределенно ответил Лекс, уверенно направляясь к парадному входу. – Совершенно ничего не изменилось, – войдя в дом, повторил он и заявил: – Знаете, я бы не отказался от кофе.

М-да. Самоуверенности бесхозному мужчине не занимать!

– Отлично, – кивнула в ответ. – Я буду с молоком. Турка, кофемолка и зерна – на кухне, в правом верхнем шкафчике, сливки – в холодильнике. Можете приступать.

Я наивно похлопала ресничками. Наглость всегда вызывала у меня желание ответить тем же, а этот независимый красавчик просто напрашивался на хороший такой пинок.

– Ладно, – по губам Стахова скользнула ленивая усмешка. – Дайте мне пять минут. Заодно успеете привести себя в порядок.

Он неторопливо направился в сторону кухни, а я досадливо поморщилась. Уел. Однозначно. Бросив взгляд в настенное зеркало, пригладила торчащие в разные стороны волосы и скривилась. Нет, все-таки это несправедливо. Почему, когда встречаешь красивого мужчину, твой внешний вид всегда оставляет желать лучшего?

Я скорчила рожицу своему отражению, затянула пояс халата потуже и отправилась в спальню. Наводить марафет.

– Капучино. Без сахара, – коротко доложил Лекс. Он поставил передо мной на стол большую кружку, небрежно по-

правил закатанные рукава и уселся напротив.

Я невольно загляделась на загорелые руки гостя. Крепкие, мускулистые, с красивыми длинными пальцами, они привлекали внимание своей силой и уверенностью. Наверное, было бы здорово оказаться в их объятиях. Стахов поймал мой взгляд, и глаза его насмешливо блеснули. В светло-коричневой глубине отчетливо заискрились золотистые блики.

– Спасибо, – очнулась от своих мыслей. – Выглядит профессионально. А какой аромат!

Я покосилась на пышную шапку пены и снова посмотрела на гостя. Интересно, где он нашел капучинатор? Я его уже вторую неделю ищу. Сунула куда-то, когда Циленский с проверкой приходил, да так и не смогла потом найти.

– Пробуйте, – предложил Алексей. Он лениво улыбнулся и вальяжно развалился в любимом тетушкином кресле, неторопливо смакуя крепкий черный кофе.

– М-мм... Великолепно, – признала я, отхлебнув глоток. – Вы настоящий бариста!

Стахов усмехнулся краешками губ, а я поймала себя на мысли, что не отказалась бы попробовать их на вкус. Твердые, красиво очерченные, не толстые и не тонкие, как раз такие, какие мне нравились.

«Цыть, Лерок! – тут же одернула себя. – Не стоит растекаться лужицей перед незнакомым мужчиной. Ты ведь даже не знаешь, что он за фрукт». Однако взбунтовавшиеся гормоны не слушались. Организм настойчиво напоминал, что

со времени последнего секса прошло почти полгода, и требовал прибрать бесхозного товарища к рукам.

– Как вам живется в этом доме? – пока я пыталась усмирить взбесившееся либидо, Стахов успел отставить кружку на стол и теперь смотрел на меня пристально, не отрываясь. – Такая красивая девушка и одна, – голос его приобрел чувственную окраску. – Соседи не достают?

– Соседи? Они меня развлекают, – я легко пожала плечами. – И одиночество меня не тяготит.

Вру, конечно. Еще как тяготит, но мачо об этом лучше не знать.

«Надо брать, Лерок, – настойчиво подсказывала авантюрная часть моей натуры. – Когда еще такой шикарный экземпляр попадется?».

А, была не была! Я откинулась на стуле, позволяя халату немного распахнуться, и взглянула на гостя.

– Не хотите рассказать о себе? – вспомнив азы соблазнения, закинула ногу на ногу и чуть качнула домашней туфелькой. – Кто вы, откуда, чем занимаетесь?

– А вы любопытны, – усмехнулся Лекс.

Он расстегнул ворот рубашки, и я заметила на крепкойшее тонкий черный шнурок с небольшим серебряным медальоном. Интересная вещица. Похожа на мальтийский крест, заключенный в круг.

– Думаю, у меня есть на это право, раз уж вы напросились ко мне на постой, – ответила я, слегка поводя плечами.

Грудь едва заметно колыхнулась. Глаза гостя заинтересованно блеснули.

– Логично, – сглотнув, хрипло сказал Стахов.

Рука его потянулась к карману рубашки. Он достал пачку «Black@Gold», открыл ее и предложил мне. Жест вышел небрежным, но эффектным. Интересно, Лекс понимает, насколько сексуально выглядит? Впрочем, о чем я? Конечно, понимает. С такой внешностью и харизмой у него, наверное, отбоя нет от дамочек всех мастей. Но ведь я не ищу легких путей?

– Курите? – вопрос гостя прозвучал почти интимно.

– Нет, спасибо, – я улыбнулась в ответ и принялась накручивать на палец выющийся рыжий локон. Помнится, один из моих бойфрендов уверял, что выглядит это весьма соблазнительно.

– Ведете здоровый образ жизни? – хмыкнул Лекс. – Что ж, похвально, – он закурил и положил на стол отливающую металлом зажигалку. – Сейчас все вокруг увлечены спортом и правильным питанием, – мне достался насмешливый взгляд. – Возможно, это и неплохо, если только не превращается в идею-фикс.

Это да. Галочка, вон, постоянно истощает себя диетами, правда, толку от этого – ноль. «Везет же тебе, Лерка, – завистливо повторяет она. – Метешь все подряд, а фигура как у модели».

Лекс чуть отставил руку с сигаретой в сторону, держа ее

на отлете, и неожиданно посерьезнел. Улыбка исчезла с его лица, взгляд приобрел хищное выражение.

– Так что вы хотите узнать? – он пристально посмотрел на меня, заставляя окончательно забыть о разумных мыслях.

«Спокойно, Лерок, – призвала себя к порядку. – Ну и что, что перед тобой сидит воплощение женской мечты? Зато ты – воплощение мужской. И этому красавчику еще придется постараться, чтобы добиться твоего внимания».

Правда, в этот момент я вспомнила, что ни один из тех, кто западал на мою внешность, долго рядом со мной не задерживался, и невольно вздохнула.

– Что-то не так? – тут же отреагировал Стахов. Он вообще оказался на редкость внимательным. Обычно мужчины не замечают даже очевидного, а этот мгновенно улавливал смены моего настроения. Уникум, однако.

– Да нет, все в порядке, – отмахнулась я. Долгие переживания никогда не входили в число моих «добродетелей». – Так откуда, говорите, вы приехали?

Я решила вернуться к главной теме.

– Из Питера. У меня там небольшой бизнес.

– А здесь вы?..

– По делам, – уклончиво ответил Алексей, и в глазах его снова мелькнул золотистый отблеск. – Надеюсь, за те пару недель, что планирую тут пробыть, я не успею вам надоест.

Он улыбнулся, но взгляд его оставался серьезным.

– Посмотрим, – неопределенно ответила я, машинально

собирая ложкой молочную пену. Прежний кураж прошел, и мне уже не хотелось никого соблазнять.

– Странно, что Леокадия Серафимовна никогда про вас не говорила, – задумчиво посмотрел на меня Стахов. – Здесь часто бывала Галина, и я думал, что дом достанется ей, поэтому удивился, когда получил от вашей тетушки записку, в которой она указывала наследницей Яблочного свою внучатую племянницу Валерию.

– Да, это ее решение для многих оказалось неожиданным, – кивнула я, вспоминая, какую истерику устроила Галочка.

Когда господин Циленский огласил завещание, троюродная сестра кинулась на меня с кулаками, завывая, что я задурила бедной старушке голову. А ведь я даже не подозревала, что тетушка собирается отвалить мне все свои богатства. Думала, получу в наследство пару каких-нибудь безделушек, да и все на том. А тут на тебе! И дом, и счет в банке, и коллекция картин. Конечно, Галка взбесилась.

– Вы хорошо знали Леокадию Серафимовну? – отвлеклась я от воспоминаний.

– Сказать, что я хорошо знал вашу тетю, было бы явным преувеличением, – хмыкнул Лекс. – Думаю, мало найдется людей, способных похвастаться подобной привилегией.

– Это да. Тетушка была весьма загадочной особой.

– Именно.

– И что вас связывало?

– Леокадия Серафимовна имела доступ к редким старинным книгам, – Стахов закинул ногу на ногу и глубоко затаился. – А я увлекаюсь антиквариатом.

Он задумчиво посмотрел в окно.

– Получается, вас объединял бизнес? – усмехнулась я.

Странное дело. Выходит, я совсем ничего не знала о тетушке. Надо же, редкие книги! Интересно, где она их доставала? Насколько я помню, в библиотеке имени Луначарского, где Леокадия Серафимовна тридцать пять лет проработала заведующей, самой древней книгой была «История КПСС».

– Типа того, – неохотно ответил Стахов, стряхивая пепел в кофейное блюдце.

– И часто вы виделись?

– Не очень. Три-четыре раза в год.

Действительно, не очень. Я покосилась на гостя. Выглядел тот невозмутимым и немного отрешенным. Как ни странно, я больше не чувствовала от него чисто мужского интереса.

«Да, Лерок, это настоящий провал, – вынужденно признала я. – Еще ни один кандидат в женихи не сходил с дистанции так быстро. Полчаса! Просто рекорд какой-то».

– Лера, а можно задать вам личный вопрос? – неожиданно спросил Алексей.

Он чуть прищурился, отчего его миндалевидные глаза стали еще красивее, и смял сигарету. А потом немного подался вперед и положил руки на стол, сцепив пальцы в замок.

– Попробуйте, – предложила я.

В душе появилось предвкушение быстрой победы. Все-таки не зря я азы соблазнения вспоминала! Сейчас Лекс спросит, есть ли у меня парень, потом предложит встречаться...

– Лера, а кто вы по профессии? – неожиданно огорошил гость.

Вот те раз! А я-то приготовилась к рассказу о перепетиях собственной личной жизни и собиралась намекнуть, что место моего бойфренда свободно. Облом, однако.

– Эколог, – расстроено вздохнула в ответ и торопливо добавила: – Правда, по специальности ни дня не работала.

– Почему? – удивленно посмотрел на меня Стахов.

– Знаете, в нашем маленьком городке целых три эколога. И все они собираются сидеть на своих теплых местах до самой пенсии, так что эта должность мне, увы, не светит.

– И чем же вы занимаетесь? – полюбопытствовал Лекс.

– Чем я только не занимаюсь! – хмыкнула в ответ, не желая оглашать весь список своих рабочих достижений. – А вы? В чем именно состоит ваш бизнес?

– У меня юридическая контора, – ответил Стахов.

– Так вы юрист?

Я удивленно подняла на него глаза.

– Да, – кивнул Лекс. – Кстати, если возникнут вопросы с наследством – обращайтесь.

– Непременно, – ответила я и настороженно прислушалась.

В глубине дома снова раздавались какие-то подозрительные шорохи.

– Лера? – окликнул меня Стахов. – Что-то не так?

Я внимательно посмотрела на гостя. Лекс глядел на меня с легким беспокойством. Судя по всему, никакого шума он не слышал.

– Да нет, – помотала головой. – Просто показалось.

Одним глотком допив остывший кофе, поднялась из-за стола и предложила:

– Давайте я покажу вам комнату.

– Отлично, – кивнул Стахов, вставая с кресла. Он закинул на плечо сумку и обернулся ко мне. – Идем?

Я кивнула, первой выходя из кухни.

– Лера, а вы часто бывали у своей тети? – идя следом за мной, спросил Лекс.

– В детстве – да. Мы с мамой даже жили здесь какое-то время, после того, как они с отцом развелись. А потом мама снова вышла замуж, мы уехали в Якутию, и я долгое время не видела Леокадию Серафимовну.

– А почему вернулись?

– Потянуло на родину, – уклончиво ответила я.

Не рассказывать же, что дядя Коля, которого я привыкла считать отцом, неожиданно вспылал ко мне совсем не отцовскими чувствами? Вот и пришлось собирать вещички и возвращаться в наш маленький старинный городок. Вспомнилась съемная комната в коммуналке, вечно пьяный сосед,

бичпакеты на обед и на ужин, бесконечные подработки. Зато мама ни о чем не догадалась. А вот тетя Лека мигом просекла причину моего возвращения в Сорск.

«А я Виолу предупреждала, что мужик с душком, – заявила она, глядя на меня холодными серыми глазами. – Да только разве ж она послушала? Вцепилась в своего ненаглядного, как клещ, и ничего вокруг не видит».

Так и было. Мама считала, что Николай – ее последний шанс, и закрывала глаза на все его недостатки. Поэтому я и не стала рассказывать о приставаниях отчима. Просто заявила, что хочу вернуться на родину, и перевелась в местный вуз.

– Выходит, Леокадия Серафимовна – ваша тетя по материнской линии, – задумчиво сказал Стахов. – Что ж, это многое объясняет, – словно про себя добавил он.

– О чем вы?

Я удивленно посмотрела на гостя.

– О вашей красоте, – галантно ответил Алексей. Он обогнал меня и остановился рядом с гостевой спальней. – Если я правильно помню, это здесь.

– Да, – кивнула я, распахивая дверь. Светлая, просторная комната выглядела строгой и холодной. Белые стены, серые гардины, широкая кровать с простым льняным покрывалом, глубокое вольтеровское кресло, стоящее у окна, тонкий безворсовый ковер, блестящий темный паркет – после пестрых тетушкиных апартаментов обстановка гостевой спальни ка-

залась скромной и непритязательной. – Располагайтесь. Через полчаса будет готов завтрак. Свежие полотенца – в ванной.

Это, кстати, было особым условием, указанным в завещании. Все гостевые должны были содержаться в чистоте и порядке и быть готовы к приему постояльцев. Помню, я еще удивилась такой странной прихоти тетушки, но, судя по всему, Леокадия Серафимовна не просто так внесла в завещание этот пункт.

– Лера, не суетитесь. Я не буду завтракать, мне вполне хватило кофе, – заявил Лекс. – К тому же я скоро уйду и вернусь уже поздно вечером.

Светло-карие глаза снова блеснули золотистым отсветом.

– Вам еще что-нибудь нужно?

Мне не хотелось уходить из комнаты, и я тянула время. Что-то удерживало меня рядом с Лексом. Какое-то непонятное подсознательное чувство.

«Не чувство, а гормоны. А может, феромоны? Или у мужчин их не бывает?»

Я окинула гостя внимательным взглядом. Да, тут этих самых феромонов хоть отбавляй, даже если они и называются как-то по-другому.

Стахов, будто подслушав мои мысли, провокационно улыбнулся и произнес своим невероятно сексуальным баритоном:

– Спасибо, мне пока ничего не нужно.

Как жаль. А я уж было понадеялась!

Алексей бросил сумку на кровать и, обернувшись ко мне, произнес:

– Лерочка, обещайте, что дождетесь меня, – в его хрипловатом голосе зазвучали бархатные нотки.

Ах, чтоб тебя! Ну нельзя же так разговаривать с девушкой, у которой целых полгода не было мужчины!

– Не знаю, как я, но ужин будет ждать вас на столе, – хмыкнула в ответ и решительно вышла из комнаты.

## Глава 2

Алексей не обманул. Почти сразу после нашего разговора он позвонил кому-то с древнего тетушкиного аппарата и спустя полчаса покинул особняк. Я слышала, как возле дома остановилась машина, хлопнула калитка, потом – дверца автомобиля, и вокруг снова стало тихо.

– Забавная ситуация, – пробормотала вполголоса. – В моем доме в кои-то веки появился мужчина.

Задернув занавеску, обвела взглядом обстановку холла. Все было на своих местах, но мне показалось, что что-то неуловимо изменилось. То ли дубовые панели блестели как-то иначе, то ли старинная бронзовая люстра выглядела излишне таинственной, то ли китайские вазы, стоящие на подставках по обеим сторонам двери, неожиданно увеличились в размерах. То ли черный корпус телефона расплылся в ехидной улыбке.

– Ну конечно, без тебя никак не обошлось, – хмыкнула я, покосившись на своенравный раритет. Тот застыл в гордом молчании, но в атмосфере прихожей явно почувствовалось распространяющееся от него неодобрение.

– Кошмар, – неизвестно кому пожаловалась я. – Меня осуждает телефон.

И в этот момент старомодный аппарат дрогнул и залился пронзительной трелью.

– Горлопан, – фыркнула я, поднимая трубку. Та ошутимо завибрировала в моих руках, и из нее донесся голос Этьена.

– Лерочка, – услышала я. – Наконец-то я до вас дозвонился!

Этьен был одним из моих неудачных интернет-знакомств. Полгода назад, только осваивая местный сайт, я прельстилась фотографией brutального темноволосого мачо и согласилась на встречу. Ночь накануне свидания прошла в мечтах, а утром я долго крутилась перед зеркалом, примеряя платья и пытаюсь решить, какое из них способно сразить мужчину моей мечты наповал. По всему выходило, что черное шелковое. Оно подчеркивало мои достоинства и скрывало несуществующие недостатки. Нет, разумеется, кое-какие недостатки у меня были, но я предпочитала их не замечать. Вот и в тот вечер, сделав укладку и ярко накрасив губы, уверенно улыбнулась своему отражению и отправилась на свидание. А в кафе меня ждал облом. Вместо ожидаемого красавца к моему столику подошел высокий, сутулый, рыжеволосый ботан, в больших квадратных очках и растянутой толстовке. Робко поздоровавшись, он неловко отодвинул стул и уселся рядом. Ах, с каким громким звоном разбивалась моя хрустальная мечта! Прямо-таки с оглушительным! Я смотрела на нового знакомого и спрашивала себя, чем я так согрешила, что мне постоянно достаются подобные убогие личности? Одни рыжие волосы чего стоят! И ладно бы волосы! Это бы еще ничего, если бы не редкостное занудство нового канди-

дата. Пока я давилась чаем, Этьен монотонно рассуждал о теории вероятности, приводил примеры формулы Байеса и еще какую-то хрень и совершенно не обращал внимания на то, что его никто не слушает. Мне хватило одной-единственной встречи, чтобы понять, что нам с этим товарищем не по пути, и я попыталась вежливо свернуть знакомство, но избавиться от очкарика оказалось невозможно. Он писал, звонил, бродил под окнами моей съемной квартиры и надоел мне так, что я уже не знала, как еще объяснить этому несчастью, что у нас с ним ничего не выйдет.

– Я же просила тебя больше не звонить, – как можно строже сказала я.

– Просили, – виновато повторил Этьен. На самом деле зануду-очкарика звали Тимофеем, но он предпочитал использовать интернет-ник. – Только, понимаете, я ничего не могу поделывать. Мне нужно слышать ваш голос, Лерочка.

– Зачем?

Я начинала тихо звереть.

– Видите ли, у вас очень красивый тембр, и, когда вы говорите, я ощущаю внутри странные вибрации. Мне кажется, я не смогу жить, если больше их не услышу, – запинаясь, произнес Этьен.

Час от часу не легче! И что прикажете с ним делать?

– Бред какой-то, – вздохнула я. – Сколько раз объяснять, что у нас ничего не выйдет?

– Лера, когда мы с вами увидимся? – не слушая меня, про-

должал нудеть Этьен.

Боже, за что мне это?

– Никогда, – рывкнула в ответ и бросила трубку.

Телефон возмущенно тренькнул.

– Это сумасшествие какое-то! – выдохнула я. – Вибрации ему нравятся. В конце концов, это просто неприлично!

Покачав головой, уставилась на портрет молодой красавицы, стоящей посреди яблоневого сада с корзиной в руках, и попыталась успокоиться. Мне нравилась эта картина. Она висела в простенке между гардеробом и старинным резным комодом, в котором тетушка хранила шелковые шали и пуховые платки, и казалась такой же неотъемлемой частью дома, как и фарфоровый столовый сервиз или овальный обеденный стол. Неизвестный художник мастерски изобразил на большом холсте веселую, легкомысленную брюнетку с лучезарной улыбкой и лукавым взглядом блестящих карих глаз. Девушка выглядела такой задорной и беззаботной, что буквально заражала хорошим настроением всех, кто останавливался перед ее портретом.

– Как думаешь, зачем на самом деле приехал этот Лекс? – спросила я ее.

Разговаривать с портретами, конечно, глупо, но зато довольно интересно. Создается полная иллюзия общения с живым собеседником, и при этом никто не пытается вправить тебе мозги.

– Вот и мне кажется, что не просто так. Вместо того чтобы

останавливаться у незнакомых людей, любой состоятельный человек снял бы гостиницу, согласна?

Моя нарисованная собеседница продолжала таинственно улыбаться.

– Но тетушка какова? Могла бы и предупредить, для чего нужны гостевые спальни. Интересно, остальные четыре комнаты тоже ждут своих постояльцев?

Я вздохнула, провела пальцем по раме и скривилась. Пыль. Проклятая вездесущая пыль. Придется снова брать-ся за метелку, иначе дотошный Евгений Борисович выпишет штраф.

– Как считаешь, если я проверю сумку Стахова, это будет слишком некрасиво? – обратилась к красавице и пояснила: – Мне ведь надо выяснить, что он за птица.

Разумеется, никто не ответил, но это было и не нужно. Внутреннее чутье настойчиво подталкивало в комнату гостя.

– Я только одним глазком взгляну, – пообещала нарисованной девушке. – Просто ради собственной безопасности.

«Скажи лучше, из-за собственного любопытства» – ехидно встряло подсознание, но я благополучно от него отмахнулась и направилась в гостевое крыло.

Появление и скоропалительный уход Лекса не давали мне покоя. Было что-то странное в моем неожиданном постояльце. То ли его красивая киношная внешность, то ли бьющее наотмашь обаяние, то ли едва уловимый иностранный акцент, появляющийся в речи Стахова, когда тот переставал

следить за своим произношением.

Потянув на себя дверь, я вошла в комнату и внимательно огляделась. На первый взгляд, в спальне ничего не изменилось. Кровать, комод, кресло – все было на своих местах, и только сумка, лежащая у стены, нарушала привычный порядок.

Я осторожно расстегнула молнию и уставилась на аккуратно сложенные вещи. Пара футболок, три рубашки, костюм в чехле, кожаный несессер, мешочек с обувью, футляр для очков, книга в мягкой обложке. Я посмотрела на заголовок. «Огонь и земля». Странное название. Пролистав несколько страниц, убедилась, что это что-то из разряда фантастики и разочарованно вздохнула. Ничего интересного. Обычная сумка, обычные вещи. Даже завалященького пистолета и то нет.

Положив роман на место, закрыла застежку и опустилась на ковер. Осмотр ни к чему не привел. То, что Стахов не беден, я знала и до этого, а больше никаких выводов сделать не удалось.

«Эх, Лерка, плохой из тебя сыщик. Не стоило и пытаться».

Это точно. Сколько ни читала детективов, никогда мне не удавалось вычислить преступника. Им всегда оказывался совсем не тот, кого я подозревала. Вот Светка, та слету могла определить злоумышленника. Подруге стоило только пролистать пару-тройку страниц – и все, для нее вопросов больше не было. А я мучилась до конца, а потом долго удивлялась,

почему же сразу не догадалась, кто настоящий злодей. Да, Светка бы мне сейчас пригодилась. И чего ей на родине не жилось? Умотала за океан, засела в своей проклятой Силиконовой долине и пропала.

Отвлекшись от воспоминаний, я хмыкнула и поднялась с пола. Ладно. Пора завязывать с расследованиями. Если у моего невольного постояльца и есть какой-то тайный умысел, рано или поздно я о нем узнаю.

Я прошла к двери и уже взялась за ручку, когда за моей спиной послышался шорох и негромкое чертыхание. О нет! Опять? Вздвогнув, резко обернулась и остолбенела, растерянно глядя на неизвестно откуда появившихся мужчин. Ну ничего себе! Два каких-то неизвестных гражданина стояли у окна, спиной ко мне, и о чем-то тихо беседовали. Оба высокие, темноволосые, с отличной выправкой, и почти неотличимые друг от друга. И тут один из мужчин чуть повернул голову, и я с удивлением узнала в нем Стахова. Правда, выглядел мачо иначе, чем при нашей недавней встрече. Вместо демократичных джинсов и рубашки на нем были отлично сшитый смокинг, белая сорочка, бабочка на шее и начищенные до блеска туфли.

– Это еще что такое? – возмутилась я. – Откуда вы здесь взялись?

Алексей даже не отреагировал. Он посмотрел сквозь меня и отвернулся к своему собеседнику. Тот сделал шаг к окну, отдернул занавеску, отчего яркий солнечный свет хлынул в

комнату, и я осознала, что мое впечатление о сходстве мужчин было обманчивым. Незнакомец оказался гораздо старше Стахова. Лицо его бороздили глубокие морщины, на правой щеке, чуть ниже скулы, белел некрасивый шрам, взгляд карих глаз был холодным и цепким, на висках пробивалась седина.

– Эй! Вы меня слышите? – Я подошла ближе. – Как вы тут оказались?

Моя рука коснулась Лекса, но прошла сквозь него.

– Вот черт!

Я отдернула пальцы и растерянно посмотрела на свою ладонь. Все-таки видение. Да, удивительно реалистичное, но видение. С ума сойти! Ну и домик! Для чего он показывает мне все эти фантомы?

Тем временем Алексей что-то сказал, а его собеседник неожиданно громко спросил:

– Как думаешь, кто будет ее преемницей?

– Не знаю, Карл, – Лекс закурил, задумчиво глядя в окно, а потом обернулся и посмотрел прямо на меня. – Леокадия слишком непредсказуема, – добавил он.

– Ставлю сто баксов на то, что старушка нас удивит, – хмыкнул Карл. – Вот увидишь, ее выбор будет совсем не таким, как все ожидают.

– Даже не сомневаюсь, – согласился с ним Стахов. – Вопрос в том, что делать нам?

– Ждать, – резко ответил Карл. – Рано или поздно все про-

яснится.

Он устало потер глаза.

– Опять не спал? – спросил Стахов, глядя на собеседника с плохо скрытой тревогой. – Карл, прекрати, это плохо кончится.

– Уймись, Лекс, – отмахнулся от него Карл. – Ничего со мной не будет.

– Как знаешь, – недовольно скривился Стахов.

– У нас слишком мало времени, Лекси. Слишком. Мы уже так долго ждем...

Карл не договорил. Он нахмурился и многозначительно посмотрел на друга.

– Ничего не понятно, – вздохнула я, разглядывая призрачных собеседников. – То они чего-то ждут, то у них времени нет. Что тетушка-конспиратор, что ее постояльцы. Интересно, когда происходила эта встреча и почему я все это вижу?

– Может, попробуешь подкатить к хозяйке? – спросил между тем Карл.

– Думаешь, я не пытался? – хмыкнул Лекс. – Леокадия – крепкий орешек. С ней ни один подкат не действует.

– Ладно. Подождем. Рано или поздно ей придется представить свою наследницу, вот тогда и решим, что делать дальше.

Мужчины настороженно переглянулись.

– Ты ведь не собираешься переходить мне дорогу, Бергман? – напряженно спросил Алексей.

– Успокойся, Лекс, – невесело хмыкнул его собеседник. – У меня и в мыслях не было. Все сливки достанутся тебе, можешь не сомневаться.

– Отлично, – кивнул Стахов, но сомнение из его голоса никуда не делось. – Надеюсь, так и будет.

Мужчины отвернулись к окну. Они одновременно достали сигареты, закурили... И в тот же миг исчезли. А я осталась стоять, глядя на опустевшую комнату и пытаюсь привести мысли в порядок. В собственное сумасшествие верить не хотелось. Я никогда не была слабонервной девушкой, склонной к меланхолии, поэтому не собиралась пугаться и заламывать руки. Во всем можно было найти рациональное звено. Если я вижу фантомы прошлого, значит, у этого есть какая-то причина. И я должна ее найти. Что там обсуждали эти двое? Время. С одной стороны, они собирались дождаться, пока Леокадия Серафимовна объявит имя наследницы, с другой – мужчины что-то искали и у них не было времени ждать. Вопрос в том, что именно они искали и при чем тут наследница?

Я аккуратно закрыла за собой дверь и побрела по коридору, раздумывая над услышанным. Интересно, эти двое наши ли, что хотели? И для чего на самом деле приехал Стахов? Какие такие дела привели его в наш городишко?

Резкий звук дверного звонка заставил меня отвлечься от размышлений и недовольно вздохнуть. Кого там еще нелегкая принесла?

Сдернув с вешалки олимпийку, накинула ее и вышла во двор.

– Кто? – дойдя до калитки, грозно поинтересовалась у пространства.

– Лерочка, это я, – послышался знакомый голос.

О нет! Опять он! Ну, что за наказание!

– Этьен, ты что, не русский? – сдержав рвущиеся с языка нецензурные выражения, спросила я.

– Русский, – растерянно ответил мой занудный кошмар. – А что?

– А то, что я тебе ясно сказала, что не хочу с тобой общаться! Неужели непонятно?

– Лерочка, вы сердитесь? – жалобно спросило злосчастье. За калиткой послышалась какая-то возня, и вскоре над забором возникло бледное очкастое лицо.

– Нет, не сержусь, – глядя на морального террориста, тихо ответила я и рывкнула: – Я в бешенстве!

– Но почему? – в уменьшенных линзами зеленых глазах светилось чистое и незамутненное непонимание.

– Потому что ты меня достал! – не сдержалась я. – Как тебе еще объяснить? Оставь меня в покое! Я не хочу тебя видеть. И слышать тоже, понятно?

На лице Этьена возникло такое беззащитное выражение, что я чертыхнулась, подняла взгляд к небу и простонала: – Господи, ну за что мне это?!

А потом распахнула калитку и безнадежно махнула рукой.

– Заходи, злосчастье.

Этьен мгновенно просочился во двор и рванул к двери. Я пошла следом, беззвучно ругая собственное мягкосердечие. «Не доведет оно тебя до добра, Лерка, – внушала я себе. – Не доведет!»

Но что было делать, если я не могла спокойно смотреть на разнесчастливого ботана? Он был таким неприкаемым, что невольно вызывал в душе нелепое сочувствие. Вот вроде взрослый парень, а все равно что ребенок.

– Ноги вытри! – крикнула гостю, пытаясь избавиться от глупой жалости. – Наследишь в доме – сам убираться будешь.

– Не переживайте, Лерочка. Если надо, я и полы помыть могу, – с готовностью отозвался Этьен. – Я у бабушки всегда мою.

– Иди уже, – проворчала в ответ, захлопывая дверь.

– У вас очень красивый дом, – остановившись при входе, с благоговением произнес Этьен. – Такой уютный. И цветов много. Я люблю, когда вокруг цветы.

«Ну, точно, блаженный, – вздохнула я. — Лютики-цветочки, теория вероятностей... Как же я вляпалась во все это?».

– Ванная – прямо по коридору и направо, – нарочито сурово посмотрела на гостя. – Иди, мой руки. Будем чай пить.

Этьен довольно просиял и кинулся выполнять мое распоряжение.

– Театр абсурда, – пробормотала я, отправляясь на кухню

и бухая на плиту чайник. – Утром откушиваю кофе с брутальным мачо, в обед пью чай с занудным ботаном, осталось только отужинать с каким-нибудь бутафорским злодеем, и можно будет считать, что день удался.

– Что вы сказали, Лерочка?

Этьен совершенно бесшумно возник за моей спиной, заставив меня испуганно вздрогнуть.

– Говорю, день сегодня хороший, – повернувшись, напнулась на преданный взгляд. За толстыми линзами зеленые глаза Этьена казались детскими и беззащитными.

– Замечательный день, – торопливо кивнул злосчастье и уселся в кресло, в котором еще не так давно сидел Лекс. – Лерочка, вы ведь не против, что я вот так свалился вам на голову? Просто мне показалось, что вы на меня обиделись. И так, знаете, на душе тоскливо стало. И я решил, что нужно пойти и извиниться.

– За что? – я строго посмотрела на ботана, пытаясь задушить в себе проклятую жалость.

– Не знаю, но раз вы сердитесь на меня, значит, я в чем-то виноват, – простодушно ответил Этьен. – Так вы простите меня?

Бородатый гоблин! Да что же это такое? Опять все по новой!

– Нет, не сержусь, – вздохнула я и разлила чай по чашкам. – Пей, а то остынет.

– О, крепкий, как я люблю! – обрадовался Этьен. – И с

лимончиком. Вы знаете, Лерочка, если верить теории вероятности...

Дальше слушать я не стала. Злосчастье перешел к своей излюбленной теме, и мой мозг автоматически выключился. Этьен что-то воодушевленно говорил, а я смотрела на него, кивала и думала о своем. Тайны недавних видений не давали мне покоя. В голове крутились обрывки подслушанных фраз, перед глазами стояли лица Лекса и Карла, а в душе зрело неясное предчувствие. Если раньше тетушкин дом не внушал мне доверия и я настороженно относилась к неожиданному подарку судьбы, то теперь я была убеждена, что с моим наследством связана какая-то тайна. И, может быть, даже не одна.

– Размещения могут быть с повторениями, – вклинился в мои размышления голос ботана, – то есть один элемент можно использовать несколько раз. И без повторений, когда элементы не повторяются...

Этьен воодушевленно говорил, одновременно пил чай и уминал бутерброды с колбасой, умудряясь при этом отчаянно жестикулировать. Он напоминал мне бродячего пса, которого подобрали и пустили в дом. Такой же бестолковый и счастливый от неожиданно свалившегося подарка судьбы.

– А где ты живешь? – спросила я, прерывая вдохновенную речь своего гостя.

– Что? – тот растерянно моргнул.

– Где ты живешь? – повторила я. – В каком районе?

– В Черемушках, – ответил парень. Он как-то сник и скукожился, ссутулившись над чашкой. Все его вдохновение мгновенно испарилось. – Снимаю комнату неподалеку от химки.

М-да. Печальненько. Я посмотрела на гостя с сочувствием.

Черемушки были старым рабочим районом Сорска. В шестидесятых годах в городе построили химзавод, рядом с ним выросли трехэтажки для тружеников вредного производства, два садика, школа, жизнь закипела и кипела вплоть до девяностых, когда завод закрыли. Те, у кого еще оставались какие-то надежды, отправились искать работу в областном центре, кто-то уехал в Москву, кто-то – в соседний город, район медленно пустел и постепенно окончательно захирел. В Черемушках остались только гопники да спившиеся нетрудовые элементы. В начале двухтысячных район попытались реанимировать, даже программу специальную придумали, но из этого ничего не вышло. Хотя чему тут удивляться? Окраина города, старые хрущевки, отсутствие нормальной работы. Так все и заглохло. Дома ветшали, многие были в аварийном состоянии, какие-то из них расселили, а остальные доживали свои последние дни. Грустное зрелище. Квартиры в Черемушках стоили совсем недорого. Правда, желающих купить их было немного, а уж снять комнату можно было и вовсе за сущие копейки. Мне как-то довелось пожить там пару месяцев, на большее меня не хватило.

– Нет, вы не думайте, у моей бабушки хороший дом, – торопливо добавил Этьен, догадавшись по моему лицу, какое впечатление произвели его слова. – В Первомайском. Просто мне удобнее жить в Сорске. Тут больше возможностей. И с работой проще.

Злосчастье трудился в какой-то непонятной компании, название которой вылетело у меня из головы сразу же, как Этьен его назвал.

– А чего сегодня не на работе? – поинтересовалась я.

– Отправили в неоплачиваемый отпуск, – вздохнув, потушился Этьен. – Фирма испытывает трудности, директор пообещал, что когда все наладится, мы сможем вернуться к работе.

– Замечательно, – пробормотала я.

Он еще и безработный! Классический неудачник. Вопрос, какого рожна я с ним вожусь?

– Нет, вы не думайте, у меня есть деньги, – торопливо добавил парень. – Я откладывал.

– Сколько?

– Что?

– Сколько у тебя отложено?

– Три тысячи, – простодушно ответил Этьен и добавил: – Долларов.

– Да ты богач! – присвистнула я.

– Да, – совершенно серьезно кивнул ботан. – У меня еще машина есть.

– Неужели?

– Ага. «Волга».

Этьен гордо приосанился, ожидая моей реакции. Он даже чашку с недопитым чаем оставил.

– Круто!

Я не смогла не оправдать его надежд. Для любого мужчины машина значит очень много, и Этьен, судя по всему, не был исключением.

– Слушай, а твои родители? Они живы?

– Нет, – коротко ответил парень. Он погрузился и задумчиво уставился в окно.

– Так у тебя только бабушка?

– Да. И Ричард.

– А Ричард – это кто?

– Кот.

И правда, куда же без кота? Образ Этьена обрастал подробностями прямо на глазах.

– Он очень умный. Вы знаете, Лерочка, я порой думаю, что он гораздо умнее очень многих людей. Верите, рассказываю ему теорию вероятности, а он головой кивает, вот все понимает.

Ну да, а что ему еще остается? Бедный кот. Я бы на его месте тоже кивала.

Я подперла щеку кулаком и с жалостью посмотрела на Этьена. Лицо худое, щеки запавшие, уминает бутерброды так, будто три дня не ел. А может, и правда, не ел?

– Щи будешь? – спросила я злосчастье.

– А есть? – обрадовался тот. – Я их очень люблю.

Господи, зачем я это делаю?

Достав из холодильника кастрюлю, налила щи в миску и поставила на плиту разогреваться.

– Пахнет вкусно, – улыбнулся Этьен, глядя, как над миской поднимается пар.

Еще бы не вкусно! Щи – это мое коронное блюдо. Я его с закрытыми глазами могу приготовить.

– Ешь, – поставив перед незванным гостем тарелку, придвинула к нему корзинку с хлебом и соусник со сметаной.

Этьен шустро взялся за ложку.

– У-у, вот это да! – попробовав, он посмотрел на меня с явным восхищением. – Обалдеть, как вкусно! Никогда бы не подумал, что вы умеете так хорошо готовить.

– Это еще почему? – удивилась я.

– Ну, вы ведь такая, – Этьен замялся и принялся скатывать из хлебного мякиша шарик. – Обычно красивые девушки не любят возиться на кухне.

– Значит, я счастливое исключение.

Я наблюдала, как быстро пустеет тарелка, и испытывала непонятное умиление. Казалось бы, что такого? Сидит человек, ест приготовленные тобой щи. Интересно, почему мне его так жалко? Какой-то он неприкаянный.

«Ты его еще усынови, – хмыкнула про себя. – Надо ж было связаться с неудачником-ботаном!»

Дождавшись, пока злосчастье доест, я сделала суровое лицо и заявила:

– Все, Этьен, топай домой. У меня дела.

– Да-да, конечно, я понимаю, – засуетился гость. – Я уже ухожу. Спасибо за чай и за щи, все было очень вкусно.

Он торопливо поднялся из-за стола, неловко дернулся, опрокинул стул, смущенно извинился, попытался поднять его, сбил со стола корзинку с хлебом, снова забормотал извинения.

– Так, все, – не выдержала я, вытаскивая злосчастье из эпицентра бедствия. – Пошли.

Держа парня за руку, вывела его из кухни, потом – из дома и, доведя до калитки, решительно выставила на улицу.

– Все, шагай домой.

– Лерочка, вы на меня больше не сердитесь? – робко спросил Этьен.

– Нет, – рявкнула я, захлопывая калитку, чтобы не видеть зеленые глаза, глядящие на меня с собачьей преданностью.

\*\*\*

Оставшийся день прошел относительно мирно. Я сделала уборку в гостевых спальнях, встретила курьера, доставившего продукты, приготовила ужин, а потом почти до самого вечера разбирала тетушкины шкафы: один в прихожей и два – в спальне. Была у меня робкая надежда раскопать там что-

нибудь интересное, но, увы, ничего стоящего обнаружить не удалось. Зато я собрала три больших узла ненужной одежды и договорилась с Людкой, что та отвезет их в ночлежку на Покровке.

– Избавляешься от старого хлама? – хмыкнула подруга. Она не удивилась моему звонку. Людка вообще никогда и ничему не удивлялась.

– Ага, – ответила я. Мысль о том, что мной нарушен десятый пункт завещания, вызывала легкое беспокойство, но я решила не обращать на него внимания. Вряд ли Евгений Борисович будет проверять каждую тряпку. И потом, большую часть вещей тети Леки я пока оставила, и шкафы по-прежнему были заполнены ее дорогими вечерними платьями, шубами и удивительно красивыми костюмами.

– Ну и правильно, – наставительно заметила подруга. – Вместе с этим хламом уйдет негативная энергетика твоего наследного теремка.

– А чего это она негативная? – озадаченно уточнила я.

– Ну, как же? Тетка твоя одна жила, без мужика?

– Одна.

По крайней мере, последние пятнадцать лет. В один из очередных «творческих» запоев Аркадия Леонтьевича тетушка собрала вещи мужа в два больших чемодана и вывезла их, а заодно и самого супруга, на дачу. А потом пошла в ЗАГС и подала заявление на развод. Леокадия Серафимовна всегда была скорой на расправу, такой уж характер. Ар-

кадий Леонтьевич потом долго умолял жену о прощении, но тетка была непреклонна. «Мне твоя художественная натура уже в печенках сидит, – заявила она. – Пей со своими гениями дальше, а про меня забудь». Я тогда была маленькой и не очень хорошо понимала, почему добрый и веселый дядя Каша, который умел рисовать разных удивительных животных и яркие фантастические цветы, больше не может жить вместе с нами, но мама велела не приставать к тете Леке с вопросами, и мне пришлось послушаться.

– Вот видишь, – нравоучительно заметила Людка. – Значит, у нее в доме энергетика плохая. Непригодная для личной жизни. Тебе нужно все ее старье выкинуть и сделать полный ремонт, тогда и мужик в доме появится.

Людка увлекалась фэн-шуйем и всякими восточными учениями, поэтому всегда была готова помочь дельным советом.

– Может, ты и права, – покладисто согласилась я, вспомнив о своем госте. – Главное, заехать не забудь.

– Не дрейфь, – фыркнула подруга. – Вечером буду.

В итоге она заявила ко мне после работы, мы погрузили огромные тюки в ее старенькую девятку, и Людка лихо вырулила со двора.

– Вот увидишь, скоро мы на твоей свадьбе погуляем, – на прощанье крикнула она.

– Очень надеюсь, – с сомнением протянула я и отправилась в тетушкин кабинет.

А там, усевшись за бюро, сосредоточилась и внимательно огляделась. Мне казалось, что если как следует настроиться, я снова увижу какое-нибудь видение и смогу найти разгадку старого дома.

Время шло, я вздыхала, крутилась на стуле, тарасилась по сторонам, но ничего не происходило. Ни шумов, ни шорохов, ни явлений почившей родственницы. Одним словом – невезуха.

За окном окончательно стемнело, и мне стало не по себе. Спрашивается, чего я тут сижу? Кого жду?

Ответить на эти вопросы не успела. Дверной звонок звякнул, сбивая экстрасенсорный настрой, и залился пронзительным звоном. Я машинально бросила взгляд на часы. Восемь. Похоже, мой постоялец вернулся раньше, чем обещал. Сердце радостно подпрыгнуло.

Накинув тетушкину шаль, я выскочила во двор, торопливо пробежала по дорожке и открыла калитку.

– Добрый вечер, Лерочка, – раздался хриловатый баритон.

В свете фонаря мне улыбался Стахов. Высокий, в небрежно наброшенной на плечи куртке, со слегка отросшей за день щетиной и смеющимися глазами. Видно, его день, в отличие от моего, прошел плодотворно. Наверняка не обошлось без какой-нибудь фифы.

– Добрый, – я расстроено вздохнула и посторонилась, пропуская гостя.

– Вы меня дождались, – улыбка постояльца стала еще шире. – Я польщен.

– Напомните мне выдать вам запасные ключи, – не разделяла я его восторга.

– Лерочка, что с вашим настроением? – удивленно посмотрел на меня Стахов.

– А что с ним?

Я вошла в дом и остановилась, наблюдая, как Лекс снимает куртку.

– Мне кажется, вы чем-то расстроены, – повесив одежду в шкаф, заметил постоялец. Он провел рукой по волосам и обернулся ко мне. Светло-карие глаза снова заблестели золотистыми искорками.

– Ужинать будете? – вместо ответа спросила я.

Хорошее настроение гостя почему-то не внушало мне оптимизма.

– Я бы не отказался от чая, – снова улыбнулся Стахов.

Ясно. Уже успел где-то поесть. Мысль о неизвестной дамочке приобрела более выраженные черты. Я почувствовала, как в душе заворочалась ревность.

– Хорошо. Приходите на кухню, – задавив ее ростки, вскинула голову и обворожительно улыбнулась. Подумаешь, дамочка. Еще посмотрим, чья возьмет!

– Дайте мне пару минут, – заинтересованно посмотрел на меня Лекс. В его лице что-то неуловимо дрогнуло. Оно на миг как-то странно изменилось, черты заострились, глаза по-

темнели.

– Не задерживайтесь, – кивнула я, решив не обращать внимания на непонятные странности.

Лекс довольно усмехнулся, прижал к груди кожаную папку и отправился в сторону своей комнаты, а я немного понаблюдала за движениями его... м-м-м... ягодиц и пошла на кухню, готовить чай.

Хотя в доме у тетушки была огромная столовая, я обычно предпочитала есть на кухне. Так мне было привычнее. Все двадцать три года моей жизни прошли в обычных малогабаритных квартирах, и нынешние буржуйские хоромы вызывали у меня нечто вроде клаустрофобии наоборот.

Бухнув на плиту чайник и расставив чашки и тарелки, я отправила в духовку завернутое в лаваш мясо с тертым сыром и помидорами, сделала бутерброды с бужениной, выложила на подставку для торта свежее испеченный бисквит и заварила чай.

Оглядев творение своих рук, довольно улыбнулась. Выглядело все красиво и аппетитно.

– Я тут вина купил, – заходя на кухню, жизнерадостно заявил Лекс. – У вас штопор найдется?

– Был где-то, – кивнула я, наблюдая, как постоялец водружает на стол бутылку красного. – Сейчас поищу.

Я выдвинула ящик шкафа и задумчиво уставилась на бесчисленные чайные ситечки, щипчики для сахара, мерные чашечки, всевозможные приспособления для выпечки и деся-

ток разнокалиберных шумовок и половников. М-да. С выпивкой отношения у меня были эпизодическими, тетушка алкоголь тоже не жаловала, поэтому найти в ее кухне штопор оказалось делом нелегким. Пришлось проверить несколько ящиков, прежде чем я обнаружила древнюю складную открывашку.

– Как бы она прямо в руках не развалилась, – с сомнением пробормотал Лекс, аккуратно ввинчивая штопор в пробку. – Ну-ка! – он осторожно потянул за рукоятку и легко открыл бутылку.

– Чувствуется большой опыт, – усмехнулась я.

– Не буду скромничать, – обаятельно улыбнулся Стахов. – Люблю дегустировать хорошие напитки.

Он достал из буфета бокалы и ловко разлил вино, а я вытащила лаваш из духовки, сложила горкой на блюде и поставила на стол.

– Выглядит аппетитно, – оценил мои старания Лекс. Он занял кресло, устроился в нем с максимальным удобством и поднял бокал. – Лерочка, я хочу выпить за наше знакомство, – проникновенно глядя мне в глаза, заявил постоялец. – Я рад, что судьба свела нас в этом доме, и очень надеюсь, что вы позволите мне узнать вас поближе.

Какие слова! Я слушала Стахова, и в душе моей расцвела надежда. Вспомнились Людкины слова о свадьбе, образ неведомой дамочки отступил, сердце радостно забилося, и мысли приняли совершенно определенное направление –

марш Мендельсона, белая фата, проникновенная речь сотрудницы ЗАГСа. А что, может, хоть в этот раз мне повезет? Вдруг Лекс окажется именно тем, кто мне нужен? И череда неудачных знакомств наконец закончится?

– Лерочка, а вы не против, если мы перейдем на ты? – хрипловатый голос Стахова зазвучал мягче, приглушеннее.

Нет! Совсем не против, а очень даже за!

– Предлагаете выпить на брудершафт?

Я обвела пальцем ободок фужера. Дыхание сбилось. На кухне стало жарко.

– Именно, – вкрадчиво ответил Стахов.

Он поднялся, подошел ко мне, помог встать. Его рука оказалась переплетена с моей. Темно-красное вино легко плеснулось в бокале.

– За нас, – шепнуло мое наваждение, глядя на меня так, что тело тут же отреагировало, предлагая сдаться без боя.

«Давай, Лерка! – вторил разум. – Не упusti свой шанс!».

Я отпила глоток, не отводя взгляда от золотисто-карих глаз, провокационно провела кончиком языка по нижней губе, чуть подалась вперед, Лекс потянулся ко мне...

«Дзинь! Дзи-и-инь! Дзи-и-инь!».

Да чтоб тебя! Противный звук дверного звонка донесся из прихожей, моментально разрушив романтический настрой. Я аж зажмурилась от разочарования. Нет, ну вот кого там нелегкая принесла?

«Дзинь! Дзиининь!» – не унимался горлопан. Игнориро-

вать его было невозможно.

– Кто-то пришел, – вздохнула я, ставя бокал на стол.

– Проклятье! – вполголоса выругался Стахов. Брови его стремительно сдвинулись. – Пойду посмотрю.

– Не нужно, – остановила я постояльца.

Мне не хотелось, чтобы Лекс общался с неожиданным гостем. Мало ли кто там? Может, Катька заглянула или, что еще хуже, Ирма Карловна. Увидят Стахова – так просто от них не отделаешься, обязательно в гости попросятся. Особенно Катька. Блондинка из дома напротив была слишком охоча до чужих мужиков.

– Я сама схожу, это, скорее всего, кто-то из соседей, – накидывая легкую шаль, улыбнулась Стахову. Ах, как же мне не хотелось уходить из уютного тепла кухни!

– Тогда я тем более пойду с вами, – нахмурился Лекс.

– Ладно. Как знаете.

Мне не хотелось спорить. Вечер был слишком хорош, чтобы портить его размолвками.

Молча выйдя из дома, дошла до забора и спросила:

– Кто?

– Лерочка, это я, – послышался знакомый голос.

О нет! Опять он! Ну зачем я показала этому злосчастью тетушкин дом и дала номер телефона? Нужно было тогда самой на оглашение завещания идти, без провожатых! Так нет же! Захотела утереть нос Галочке, доказать, что у меня тоже может быть мужчина. Что ж, доказала.

– Что случилось? – распахнув калитку, уставилась на свой занудный кошмар.

Этьен, ссутулившись, стоял передо мной, с сумкой на плече и с какой-то непонятной корзиной в руках. За его спиной, у тротуара, виднелась старая «Волга».

– Лера, это кто? – резко спросил Стахов. Он чуть отстранил меня в сторону и навис над несчастным ботаном. От всей его фигуры ощутимо повеяло угрозой.

– Это Этьен, – пояснила я, лихорадочно соображая, как объяснить Лексу, с какой такой радости ко мне по ночам мужики шляются. – Он мой... родственник, – с перепугу брякнула первое, что пришло в голову, и торопливо пояснила: – Дальний.

– И зачем пришел этот родственник? – подозрительно спросил Стахов, продолжая сверлить парня настороженным взглядом.

– Меня с квартиры выгнали, – тихо ответил Этьен.

Капец! Вопрос, что он делает перед моим домом, отпал сам собой.

– Лерочка, можно я пока у вас, – злосчастье увидел зверское выражение моего лица и тут же исправился: – у тебя поживу?

– Заходи, – неохотно ответила я. Отступить было некуда. Не отказывать же внезапно обретенному «родственнику»?

Этьен несмело шагнул во двор, с опаской покосился на Стахова и придвинулся поближе ко мне.

– Только я не один, – замямвшись, сказал он. – Со мной Ричард.

Злосчастье сунул мне под нос корзинку, из которой выглянула любопытная рыжая мордочка. Хитрые зеленые глазки уставились прямо в мои.

– Значит, вместе заходите, – хмыкнула я и, протянув руку, погладила кота по блестящей шерстке. Тот громко заурчал.

– Надо же, обычно он чужих не очень жалует, – удивленно заметил Этьен.

– Рыжие всегда найдут общий язык, – констатировала я общеизвестный факт. Ричард заурчал еще громче. Прямо не кот, а трактор какой-то.

– Может, мы все-таки зайдём в дом? – вмешался Лекс. – На улице холодно, ты замерзнешь, – тихо добавил он и приобнял меня за плечи.

– Да, идем, – спохватилась я, всем телом ощущая близость Стахова.

Его руки были теплыми, уверенными, нежными. Я незаметно откинулась назад и сильнее прижалась к твердой груди. Внутри затеплилась давно потерянная надежда. Как там цыганка говорила? Три ночи подряд? И он уже никуда не сможет уйти?

– Наверное, дождь пойдет, – ни к кому не обращаясь, сказал злосчастье.

– Похоже на то, – кивнул Лекс. Он прижал меня крепче и потянул за собой. Я почти не дышала, боясь спугнуть своего

постояльца. Что, если это именно он тот трюфовый король, о котором говорила Аза? «Только бы получилось! – умоляла я небеса. – Только бы он не сбежал, как все остальные!».

Ох, сколько их было! Веселый мичман Миша, бесшабашный байкер Славик, спокойный и рассудительный старлей Дима, серьезный и немногословный менеджер Виктор. Все они западали на мою внешность, но как только дело доходило до постели, после первой же ночи исчезали навсегда. И ведь самое удивительное, что никаких причин для этого не было.

Я покосилась на Стахова. Неужели и этот сбежит?

Обнимаясь, мы поднялись по лестнице. Лекс уверенно вел меня вперед, Этьен плелся за нами.

– Пошли, покажу тебе комнату, – входя в дом, обернулась к парню.

– Ага, – кивнул тот, преданно глядя мне в глаза.

Господи, что ж он неприкаянный такой?

– Я буду на кухне, – негромко сказал Лекс. Он все еще с подозрением поглядывал на «родственника», не торопясь радоваться его приходу. Впрочем, ничего удивительного. Я была с ним солидарна – Этьен такой вечер испортил!

С неохотой вывернувшись из теплых объятий, я пошла к гостевым комнатам. Злосчастье торопливо засеменял следом.

– Лерочка, – попытался заговорить со мной гость. Он мялся за моей спиной, всем своим видом выражая раскаяние.

Рыжие вихры торчали в разные стороны, вечно сползающие с носа очки уменьшали глаза до узких щелочек, острый кадык резко выделялся на худой шее. – Я хотел бы извиниться...

– Потом, – прервала я его.

– Но дело в том, что...

– Помолчи немного.

– Хорошо, – покладисто согласился Этьен.

– Заходи, – открыв дверь спальни, кивнула я. Кот, шустро выпрыгнув из корзинки, задрал хвост трубой и первым прошествовал в комнату. Одно слово – рыжий!

Мы вошли вслед за ним, я плотно закрыла дверь и повернулась к злосчастью.

– Значит, так. Пока не найдешь квартиру, можешь пожить здесь, – строго посмотрела на парня. – Вместо оплаты будешь ежедневно убирать двор, ходить на рынок и по магазинам.

– Я согласен, – торопливо ответил Этьен. – Я и по дому могу помочь. Ну, там, полы помыть, пропылесосить, порядок навести. Вы не сомневайтесь, я умею.

– Посмотрим, – хмыкнула я, наблюдая за котом.

Ричард гордо прошествовал к кровати, вспрыгнул на белоснежное покрывало, немного потоптался, устраиваясь удобнее, и улегся, вытянувшись во всю свою немаленькую длину. На его рыжей морде застыло выражение полного блаженства.

– Запомни, для всех ты мой троюродный брат. Сын тети Веры.

– Хорошо, – закивал парень.

– И не мельтеши особо. То, что я пустила тебя в дом, еще ничего не значит.

– Лерочка, а этот мужчина, – Этьен замялся. – Он ваш... твой жених?

– Нет, – ответила я и добавила: – Но очень надеюсь, что он им станет, так что не вздумай нам мешать.

Этьен тяжело вздохнул.

– Значит, он тебе нравится.

– Да. Нравится, – подтвердила я.

– Такие, как он, всегда нравятся женщинам, – в зеленых глазах появилась тоска.

– Ладно, оставим в покое мои отношения. Ты мне лучше объясни, почему тебя с квартиры выгнали?

– Хозяйка от мужа ушла, вернулась в свою комнату. Ну и вытурила меня на улицу.

– Но ты ведь оплатил жилье? Она не имела права тебя выгонять.

– Не могу же я спорить с расстроенной женщиной? – вздохнул злосчастье.

– Ладно. Давай свой паспорт.

– Что?

– Паспорт. Я предпочитаю знать, кому сдаю комнату.

– А, да, сейчас.

Этьен неловко спустил с плеча сумку, расстегнул ее и вытащил документы.

– Вот.

Мне в руки легла тонкая красная книжечка. Я открыла ее и уставилась на фотографию. Этьен выглядел на ней еще более худым и осунувшимся, чем в реальности.

– Так, и что у нас тут? Волошин Тимофей Львович, 1988 года рождения. Прописан в поселке Первомайском. Холост, детей нет.

Я удивленно подняла глаза на постояльца номер два.

– Никогда бы не сказала, что тебе тридцать лет.

– Все говорят, что я молодо выгляжу, – застенчиво улыбнулся Этьен.

– Ладно. Устраивайся. Постельное белье свежее, полотенца – тоже, стиральная машина в кладовке, – я с сомнением взглянула на злосчастье и спросила: – Ты ужинал?

– Нет, – скромно потупился тот и торопливо добавил: – Но я не голоден. Мне бы только Ричарда покормить, – Этьен поднял на меня взгляд и неуверенно спросил: – Можно я на кухне его миски поставлю? Вы не волнуйтесь, корм у меня есть. А воду Рич обычную пьет, из-под крана.

– Приходите оба. И ты, и Ричард.

Чего уж теперь? Все равно романтический настрой пропал безвозвратно.

– И не выкай мне, мы ведь теперь родственники.

– Хорошо, – послушно кивнул злосчастье.

Спустя десять минут мы все сидели за столом: я, недовольный вторжением родственника Лекс и заметно повеселевший Этьен. Злосчастье переоделся в чистую рубашку и теперь сиял, как медный грош. Я представила мужчин друг другу. Те настороженно переглянулись, но мудро решили не затевать военных действий и молча заняли свои места. Лекс уже привычно развалился в кресле, Этьен потоптался немного и выбрал стул подальше от Стахова, а Ричард, ткнувшись в свою миску и неодобрительно посмотрев на кошачьи консервы, подошел к моему стулу, сел и уставился мне в глаза укоризненным взглядом.

– Что? – опешила я.

– Ма-а-у, – жалобно протянул кот.

– Рич, веди себя прилично, – шикнул на него Этьен. – Ешь свой корм и не приставай к людям.

– Наглость – второе счастье, – философски заметил Лекс, разглядывая вино на свет.

– Ты голодный? – спросила я кошарика.

– Ма-а! – истерично подтвердил Ричард.

– А почему свою еду не ешь?

– Мя-а! – возмутился кот.

– Невкусно? – удивилась я. – Не может быть! На банке написано, что это филе индейки.

– Врут, – флегматично произнес Стахов.

– Что?

– Нет там никакой индейки. Соя, жилы, ароматизаторы,

красители, соль и сахар.

– Но Ричард всегда с таким аппетитом ел этот корм, – растерянно сказал Этьен. – Я думал, ему нравится.

– Еще бы ему не нравилось, – хмыкнул Лекс. – Когда ничего другого нет. А тут настоящим мясом запахло.

– Ма-а-у! – подтвердил кот, с вожделием поглядывая на ломтики буженины.

М-да. Что хозяин, что кот. От скромности не умрут.

– Ну, что ж, присоединяйся к нашему пиршеству, – усмехнулась я.

Выкинув в мусорное ведро содержимое кошачьей миски, положила кусочек мяса и предложила:

– Иди ешь, рыжий вымогатель.

Кот мгновенно оказался рядом и с урчанием впился в угощение. Уши его смешно заходили, шерсть на загривке встала дыбом.

– Что-то я тоже проголодался, – совершенно серьезно заметил Стахов, беря с общего блюда лаваш и с аппетитом откусывая большой кусок.

– Пахнет очень вкусно, – застенчиво заметил Этьен и тут же цапнул румяный конвертик.

Я посмотрела на жующих постояльцев, перевела взгляд на Ричарда и хмыкнула. Мужчины...

Разлив по чашкам чай, села на свое место и тоже взялась за лаваш. Над столом повисло молчание, прерываемое звяканьем ложек и громким чавканьем Рича.

– Как долго планируешь оставаться в гостях? – неожиданно спросил у Этьена Стахов. Не поднимаясь с кресла, он открыл дверцу буфета, достал еще один бокал, плеснул туда вина и протянул злосчастью.

– Держи.

– Спасибо, я не пью, – заикаясь, отказался «родственник».

– Совсем? – удивленно вздернул брови Лекс.

– Совсем, – уныло кивнул Этьен.

Стахов недоверчиво хмыкнул, но настаивать не стал.

– Ладно. Сколько, говоришь, ты тут пробудешь?

Он отставил бокал в сторону и прищурился, глядя на Этьена.

– Пока квартиру не найду, – вздохнул Волошин. Он уже успел проглотить лаваш и с вожделием косился на блюдо с бутербродами.

– А с работой что? – не отставал Лекс.

– Я сейчас в отпуске, – неохотно ответил Этьен. Я видела, что он томится и нервничает. Что ж, на его месте я бы, наверное, тоже нервничала.

– И чем думаешь заниматься? – продолжил Стахов.

– Кому еще чаю? – вмешалась я, прерывая допрос.

– Мне, пожалуйста, – с готовностью придвинул чашку Этьен.

Этьен.

– Лекс? – я посмотрела на Стахова.

– Нет, воздержусь, – потягивая вино, насмешливо сверкнул глазами постоялец номер один.

Он вальяжно развалился в кресле, продолжая поглядывать на меня с загадочной усмешкой. Ох уж эта усмешка! У меня от нее по всему телу мурашки забегали.

– А я выпью, – решительно заявил Этьен. Он сказал это так, словно речь шла не о чае, а о водке.

Лекс хмыкнул.

– Ну-ну, – чуть слышно протянул он.

– Алексей, а где вы учились? – неожиданно спросил Этьен. Он отхлебнул глоток чая, поперхнулся, покраснел, вытер салфеткой лоб и решительно уставился на Стахова.

– Тебе правда интересно? – пристально посмотрел на него Лекс.

– Ну да, – кивнул злосчастье.

– В СПбГУ.

– О, престижное заведение, – с уважением заметил Этьен. – А я местный универ закончил. У нас преподавал Николай Петрович Хлякин. Замечательный был человек. Я у него диссертацию защищал.

– У тебя научная степень?

Я удивленно взглянула на постояльца.

– Да, год назад защитил кандидатскую, – простодушно улыбнулся Этьен.

– Ма-а-у! – неожиданно вмешался в нашу беседу Ричард. Он уже успел схомячить свой кусок мяса и теперь требовал добавки.

– А влезет? – с сомнением посмотрела на пушистого про-

глота.

– Мя-а! – возмутился тот.

– Ну ладно, держи.

Я положила в миску еще один ломтик буженины.

Рыжий тут же вцепился в него и заурчал. Господи, этого кота, что, вообще не кормили?

– Ричард, ты ведешь себя неприлично, – попытался урезонить животинку Этьен.

Кошарик не обратил на его слова никакого внимания. Он торопливо заглатывал мясо, и уши его при этом смешно шевелились.

– Отстань от кота, – усмехнулся Стахов. – Пусть хоть раз в жизни наестся досыта.

Этьен нахмурился.

– Хотите сказать, что я морю его голодом?

– Лекс, ты завтра куда-нибудь собираешься? – вмешалась я.

– Да. Планирую навестить старого знакомого, – откликнулся Стахов. – Вернусь поздно.

– Ясно. Этьен, тогда тебе придется мне помочь.

– С радостью, – откликнулся «родственник». – А что нужно делать?

– Разобрать сарай и сходить на рынок.

– С удовольствием, – с готовностью закивал парень. – Мы же вместе пойдем?

– Нет.

– Почему?

Этьен удивленно уставился мне в глаза. На его лице ясно читалась растерянность. Ответить я не успела.

– Лера, а какой срок установлен в завещании? – неожиданно спросил Стахов. Он задумчиво коснулся брови и едва заметно потер ее.

– Три месяца, – ответила я.

– Значит, в течение этого времени вы не можете покидать дом? – взгляд гостя стал острым.

– Не могу.

– Это завещание такое? – удивленно уточнил Этьен.

– Да.

– Ничего себе! – присвистнул Волошин.

– Не свисти, денег не будет, – шикнула я на него.

– Сомневаюсь, что они у него есть, – хмыкнул Лекс и снова пристально посмотрел мне в глаза. – Получается, до окончания указанного срока осталось две недели?

– Получается, так.

– Офигеть! – воскликнул Этьен. – Это что, ты тут сидишь взаперти и даже выйти никуда не можешь? А почему твоя тетя поставила такое условие?

Этьен знал, что дом достался мне от родственницы, но не был в курсе всех сопутствующих этому подарку заморочек.

– Понятия не имею, – пожалала я плечами. – К сожалению, она не объяснила.

Ричард доел буженину, подошел ко мне и вспрыгнул на

колени.

– Рич?

Этьен удивленно воззрился на своего кота.

– Ты ничего не попутал?

– Похоже, Лера ему понравилась, – усмехнулся Лекс.

Кошарик потерся о мою руку, требуя ласки.

– У нас с ним взаимная симпатия, – поглаживая Рича, улыбнулась я.

– Уже поздно, – поднялся из-за стола Стахов. – Спасибо за чай, Лерочка, – поблагодарил он. – Все было очень вкусно.

– Да, я, наверное, тоже пойду, – подхватился Этьен. – Ричард, ты со мной?

Кот даже ухом не повел.

– Рич!

Кошарик прижмурил глаза и сделал вид, что спит.

– Да ладно, оставь его. Пусть побудет со мной.

Этьен только головой покачал.

– Он должен спать в своей корзине, – уперся «родственник». – Идем, Ричард! – строго приказал он коту.

Тот неохотно прыгнул на пол, задрал хвост трубой и потрусил к выходу.

– Доброй ночи, Лерочка, – со значением посмотрел на меня Стахов.

– Спокойной ночи, – слегка заикаясь, попрощался Этьен.

\*\*\*

После того как мужчины ушли, я убрала со стола, навела на кухне порядок и отправилась к себе. Ждать. Мне было интересно, решится Лекс на любовную атаку или нет? Судя по всему, он не привык к долгим ухаживаниям и хождению вокруг да около. Впрочем, мне это было только на руку.

– Полгода без секса, – вслух посетовала я. – Это уже вообще ни в какие ворота! Прямо чувствую, как превращаюсь в старую деву. Нет, нужно срочно налаживать личную жизнь, если не хочу стать такой, как тетя Лека.

В спальне неспешно тикали старинные часы. На стене тускло горел ночник. Легкий отблеск света падал на лакированную поверхность стола, расползаясь по ней светлой лужицей. Я остановилась у открытого окна и уставилась на освещаемый фонарями двор. Природа молчала. Ни ветерка, ни шороха, ни звука.

– Леокадия Серафимовна, вы уверены, что поступаете правильно? – неожиданно послышался знакомый тенорок.

Я резко обернулась и увидела сидящую в кресле тетушку и заискивающе изогнувшегося перед ней Григория. Так-так-так. Видение. Да еще и такое отчетливое!

– У меня нет другого выхода, – устало произнесла тетя Лека. Голос ее звучал слабо и надтреснуто. – Если оставить все как есть, девчонка может наломать дров. Слишком порыви-

стая, слишком самоуверенная и хорошенькая. Нет, нужно ее защитить от нее же самой, иначе поздно будет.

– Но это жестоко, – тихо заметил Григорий.

– Ничего. Переживет. Зато не станет легкой добычей для всяких проходимцев. Уже, вон, вьются вокруг нее, а что будет, когда она подрастет?

Леокадия Серафимовна потянулась и потушила горящие на старинном канделябре свечи. Только сейчас я обратила внимание на то, что на столике лежит какая-то книга в потертом переплете, а рядом с ней разложены непонятные корешки и камни.

– Как бы девочка не сломалась, – еле слышно пробормотал Григорий. – Проклятие третьего уровня – это вам не шутки.

– Хватит бухтеть, – недовольно шикнула на него тетушка. – Думаешь, мне ее не жалко? Но так будет лучше и для нее, и для дела. И потом, когда условие выполнит, заклятие само спадет.

Она поморщилась, достала из кармана батистовый платок, отерла им лоб и, немного задышавшись, произнесла:

– Я Азе позвонила, она Лерку предупредит.

– Что, все прямо и расскажет?

– Прямо нельзя. Карты раскинет, погадает, сделает так, чтобы Валерия поверила. Не сейчас, конечно. Годика через два.

Я вспомнила цыганку, что иногда заходила к тетушке,

словно воочию увидела ее цветастую шаль и лежащие на ней карты, услышала низкий прокуренный голос...

«Счастье твое к тебе придет, красавица. Ты только его дождись. Много пустых и проходящих будет, не жалея о них. Главное, запомни одно – кто с тобой три ночи любви подряд проведет и не сбежит, тот и судьба твоя» – сказала тогда Аза.

М-да. Значит, и тут без тетушки не обошлось. Интересно, что она такое провернула? Уж не по ее ли милости от меня мужики бегут? Как там Григорий сказал? Проклятье третьего уровня? Я покачала головой. Капец.

Выходит, прав был дядя Каша, когда называл свою супругу ведьмой сушеной!

– Гриша, помоги мне подняться, – чуть слышно произнесла Леокадия Серафимовна. – Совсем сил после ритуала не осталось.

Она прерывисто вздохнула и надсадно закашлялась.

– А я говорил, не стоило вам такое сильное проклятие применять, – подхватился Григорий. Он суетливо подал тетушке руку и добавил: – Не жалеете вы себя, Леокадия Серафимовна, ради дела готовы последнее здоровье отдать.

– Меньше слов, Григорий, – сурово посмотрела на него тетя Лека. – Помоги до кровати дойти, устала я.

Тетушка с трудом поднялась с кресла, медленно дошла до постели и легла.

– Иди, – отпустила она своего помощника. – Ты мне больше не нужен.

– Может, Нинку кликнуть? – робко предложил тот.

– Нет, – твердо ответила Леокадия Серафимовна. – Никого не хочу видеть. Все, сгинь. Завтра с утра придешь, скажу, что дальше делать.

Она прикрыла глаза, Григорий низко поклонился и тихо вышел за дверь. И в ту же секунду видение исчезло, словно его и не было, а я опустилась в кресло и устала на стену напротив. Бородатый гоблин! Неужели тетя Лека и правда была ведьмой? Разум отказывался в это верить. Но как тогда объяснить то, что все мои мужчины сбегали от меня со скоростью света? Ни один не задержался. И все эти странные видения. Наверняка и тут без тетушки не обошлось. Скорее всего, это она что-то нашла, раз я их вижу.

По крайней мере, это было самым разумным объяснением происходящего. Точнее, мне хотелось бы так думать, потому что сомневаться в своем здравом рассудке – последнее дело.

Шорох, долетевший из коридора, заставил насторожиться. Неужели Стахов все-таки решился?

Я поднялась и осторожно подошла к двери. За ней послышалась какая-то возня, еле различимое чертыхание и громкое возмущенное мяуканье.

– Что здесь происходит?

Я рывком распахнула дверь и устала на представшую моим глазам картину.

С одной стороны проема застыл Лекс, с другой – Этьен. А между ними сидел взъерошенный Ричард и с несчастным

видом глядел мне в глаза.

– Мя-а-а, – жалобно протянул кот.

– Что случилось? – не дождавшись от мужчин ответа, еще раз спросила я. – Вы что тут делаете?

– Я шел на кухню, выпить воды, – скривив губы в ироничной усмешке, ответил Лекс. – А тут – эти.

– Так я за Ричардом пошел, – торопливо произнес Этьен. – Он чего-то испугался и выскочил из комнаты, ну а я – за ним. А тут Алексей.

– Понятно, – кивнула я, досадуя на проныру Этьена. Дернула его нелегкая за котом пойти! – Раз уж мы все выяснили, предлагаю разойтись.

– Ма-у! – жалобно мяукнул Рич и бочком протиснулся в мою спальню.

– Ричард! – растерянно позвал его Этьен. – Нельзя! Это Лерина комната.

– Мя-а, – отозвался кот, устраиваясь на моей постели.

– Рич, имей совесть, – попросил злосчастье, но кошарик не обратил на его слова никакого внимания. Он растянулся рядом с подушкой и прикрыл глаза.

– Да ладно, – сказала я Волошину. – Пусть остается.

– Вряд ли это удобно, – неуверенно протянул Этьен. – Ричард может причинить беспокойство, он очень рано просыпается и сразу же требует еды. Настойчиво требует, – подчеркнул злосчастье.

Кот приоткрыл левый глаз, потом – правый и с укоризной

посмотрел на хозяина. Весь его вид говорил: «Кто рано встает? Я рано встаю и требую еды?! Ничего подобного. Наглая ложь и инсинуации!»

– Не сомневайся, удобно, – усмехнулась я, поглядывая на наглого кошарика. Мне нравилась его жизненная позиция. Она была чем-то схожа с моей.

– Ну раз вопрос исчерпан, всем спокойной ночи, – небрежно произнес Стахов и отправился к себе, одарив меня на прощанье насмешливым взглядом.

– Да, я тоже пойду, – неуверенно помявшись, проямлил Этьен.

– Доброй ночи, – закрывая перед его носом дверь, пожелала я.

## Глава 3

Следующее утро началось традиционно. «Дзинь! Дзи-и-инь!» – разрывался дверной звонок. Пронзительная трель разносилась по всему дому.

Я открыла один глаз и посмотрела на часы. Шесть ноль-ноль. Бородатый гоблин, в конце концов, это просто невыносимо! Сколько можно? Впору объявление на забор вешать, чтобы раньше восьми не беспокоили.

Отодвинув Ричарда, нагло оккупировавшего подушку, я накинула халат, пригладила волосы и, бросив взгляд в зеркало, поплелась к двери.

– Кто? – дойдя до ворот, задала стандартный уже вопрос.

– Это я, Лерок, – послышался голос Людки Скрябиной. – Открывай.

– Люсь, ты чего в такую рань? – распахнув калитку, удивленно уставилась на подругу.

– Дело у меня к тебе, – ответила та и шустро двинула к дому. – Я тут недавно с мужиком одним познакомилась, у него антикварный магазинчик в области, так вот...

– Стоп! – оборвала я Людку. – Не тарыхти. Ты же знаешь, я спросонья не очень хорошо соображаю. Идем на кухню, кофе выпьем, тогда и расскажешь, что за мужик и что за дело.

– Дело стоящее, можешь мне поверить, – шагая по коридору, вдохновенно вещала подруга. – Если постараться, непло-

хие бабки заработать можно.

– Ты мне одно скажи, ты чего в такую рань притащилась? – прикрывая рукой зевок, поинтересовалась я. Спать хотелось просто нереально, и перспектива делового разговора с Людкой не радовала.

– Мне через два часа в Сосновском нужно быть, вернусь поздно, вот и решила до работы заскочить, – ответила подруга.

Она устроилась за столом и достала сигареты.

– Короче, дядечка этот, с которым я познакомилась, имеет антикварный магазинчик, – продолжила Людка. – Цены там – будь здоров, я сама видела. Если подойти с умом, мы с тобой озолотимся.

– Подожди, – я засыпала зерна в кофемолку и уставилась на Скрябину. – Куда подойти, с каким умом? И при чем здесь антиквар?

– Так я же объясняю, – нетерпеливо фыркнула подруга. – У тебя дом битком набит всяким старьем, если его сдать, можно кучу денег заработать.

Она сдула со лба длинную каштановую прядь, закурила и уставилась на меня с тем вдохновенным выражением, которое я обычно называла авантюрным. Людка Скрябина была моей подругой детства, знала я ее лет с пяти, а то и с четырех, и сейчас, глядя на горящие азартом карие глаза, понимала, что отделаться от нового предприятия будет сложно.

– А с чего ты решила, что я захочу все продать?

– Ой, Лерок, ну брось! Что я тебя не знаю, что ли? Ты же обожаешь минимализм и хайтек, а ретро терпеть не можешь! Удивляюсь, как ты сразу всю теткинскую обстановку не выкинула. Хотя, хорошо, что не выкинула, – Людка затянулась и задумчиво постучала сигаретной пачкой по столу. – По крайней мере, заработаем. Значит, так, – решительно заявила она. – С тебя – вещи, с меня – договор и вывоз. И законные тридцать процентов.

Я только головой покачала. Ну, Людка! Лихо она с моей собственностью разобралась.

– Не получится, – разливая кофе по чашкам, огорошила подругу.

– Чего это?

– Я не буду ничего продавать.

– Лерка, ты нормальная? Я тебе реальное дело предлагаю.

– Пей кофе, Люсь, остынет. Я не собираюсь ничего менять в этом доме.

– Как это? – возмутилась подруга. – А кто жаловался, что личная жизнь не ладится? Я тут, понимаешь, для нее стараюсь, а она...

Людка не договорила. Подняв чашку, она замерла и уставилась мне за спину с таким видом, словно там божество какое появилось.

– Люсь, ты чего?

Я удивленно посмотрела на Скрябину.

– Охренеть, – тихо пробормотала подружка. – Скажи, что

это не сон!

– Доброе утро, дамы, – послышался бархатный баритон, и все сразу стало понятно. – Лерочка, а можно мне тоже кофе?

Лекс появился в поле зрения, ослепляя улыбкой и красотой. Ворот рубашки распахнут, джинсы идеально сидят на бедрах, влажные волосы зачесаны назад, подбородок гладко выбрит. Не мужчина – картинка! Людка, не отводя от него восторженного взгляда, смяла сигарету в пепельнице, отставила чашку, потрянула каштановыми кудрями и выпятила грудь.

– Турка на плите, – хмыкнула я, наблюдая за подругой. Ее поведение стало для меня неожиданностью. Люся всегда была девушкой самоуверенной и не отличалась особым пиететом перед красивыми мужчинами, и то, как она сейчас смотрела на Лекса, навело меня на неприятные размышления. Неужели при общении со Стаховым я выгляжу такой же идиоткой?

– А я думал, ты за мной поухаживаешь, – с легким укором сказал Лекс.

– Я могу за вами поухаживать, – подорвалась Людка. – Меня, кстати, Людмилой зовут.

– Рад знакомству, – сверкнул улыбкой Лекс. – Я – Алексей Стахов, друг Леры.

Он подошел ближе и оперся о спинку моего стула.

– Так ведь, Лерочка? – наклонившись ко мне, тихо спросил постоялец.

Я почувствовала его дыхание. Уловила тонкий аромат парфюма. И сразу захотелось закрыть глаза и откинуться назад, прижаться к Стахову, ощутить на своих плечах его руки.

– Близкий? – уточнила подруга.

– Люсь, ты вроде собиралась кофе налить? – скинув непонятное наваждение, осадила я любопытство Скрябиной.

– Да, конечно.

Людка схватилась за турку.

– Пожалуйста, – подруга расплылась в улыбке, поставила перед Стаховым чашку и замерла, не в силах пошевелиться.

– Благодарю, – небрежно обронил Лекс. Он бросил на Скрябину насмешливый взгляд, занял кресло, привычно развалился в нем и поднес чашку ко рту. – М-м-м, пахнет божественно, – протянул постоялец.

– На вкус тоже ничего, – пробормотала Людка, не отводя от Стахова восторженного взгляда.

Я никак не могла понять, что на нее нашло. На моей памяти это был первый случай, когда непробиваемая Люся растаяла при виде привлекательного мужика. Подруга обоснованно считала себя красавицей, недостатка в ухажерах никогда не испытывала, поэтому такое поведение было ей несвойственно.

– Алексей, а откуда вы приехали? – томным голосом протянула Скрябина. Она села напротив Стахова и уставилась на него, как кошка на сметану. – Вы ведь явно не местный.

– Из Питера, – коротко ответил Лекс.

Мне показалось, что он тяготится Людкиным вниманием.

– О! Культурная столица нашей родины! – с придыханием произнесла Скрябина, а я смотрела на нее и размышляла о том, когда Людка успела настолько поглупеть. Вроде еще полчаса назад все было нормально. Неужели на нее обаяние Стахова так подействовало?

Я присмотрелась к постояльцу внимательнее. Красивый. Мускулистый. Харизматичный. Уверенный в собственной неотразимости и привыкший к легким победам. Но ведь это же не повод стелиться перед ним ковриком? И тут мне в голову пришла мысль, от которой я похолодела. А вдруг Лекс тоже какой-нибудь колдун? А что? Он был знаком с моей тетусшкой, вел с ней разные непонятные дела, тетя Лека дала ему записку для меня, в которой велела выделить Стахову комнату... Ой, мамочки! Я прикусила губу. Это что же получается? Одна прокляла, второй обаять пытается. Капец!

– Лера, с тобой все в порядке? – неожиданно вклинился в мои размышления голос Лекса.

– Да, в порядке, – машинально кивнула я.

Смотреть на Стахова не хотелось. Вернее, хотелось, но я опасалась взглянуть ему в глаза и снова почувствовать невероятное притяжение, заставляющее терять голову и превращаться в кисель.

– Что-то ты побледнела, – обеспокоено заметила Людка.

– Ерунда. Просто не выспалась, – через силу улыбнулась я.

– Алексей, а вы к нам надолго? – тут же переключилась

подруга. Она разве что не облизывала Лекса взглядом, и я, глядя на это зрелище, все больше убеждалась в том, что с моим постояльцем что-то не так. Ладно, я – у меня полгода секса не было, но Скрябина-то с чего слюной исходит? У нее же Витька есть!

– На пару недель, – ответил Стахов, но я видела, что думает он о чем-то другом.

– Может, сходим вечером в «Асторию»? – предложила Людка. – Отметим наше знакомство. Мы с Леркой уже сто лет никуда не выбирались.

– Боюсь, что сегодня вечером я буду занят, – сухо ответил Лекс, но Людку это не остановило.

– Тогда – завтра?

– Люсь, а тебе ехать не пора? – осадил я подругу.

– А сколько сейчас? Без десяти семь? Черт, опаздываю!

Она залпом допила остывший кофе, бросила на Лекса призывный взгляд и подхватила сумочку.

– Приятно было познакомиться, Алексей, – снова превратившись в томную диву, мурлыкнула Скрябина. – Лер, проводишь меня? – обернулась она ко мне.

– Пошли, – пробормотала я, продолжая наблюдать за незнакомой Людкой. Сколько лет дружим, никогда ее такой не видела.

– Всего хорошего, – невозмутимо пожелал Стахов и насмешливо улыбнулся.

Я подтолкнула подругу к выходу.

– Лерка, ты где такого мужика нашла? – оказавшись в коридоре, повернулась ко мне Скрябина.

– Сам приехал. У него с теткой какие-то дела были.

– Охренеть! И что у вас с ним?

– Ничего.

– В смысле, он тебе не понравился?

– В смысле, я его не знаю.

– Лер, слушай, если он тебе не нужен, я его себе забере, ладно? – умоляюще протянула Скрябина. – Такой экземпляр! Ты видела, как он на меня смотрел?

«Видела, еще бы не видеть! Только не он на тебя, а ты на него».

Разумеется, вслух я этого не сказала.

– А как же Витька?

Я вопросительно уставилась на Людку.

– А что Витька? – пренебрежительно фыркнула та. – От него не убудет, я и так вся его. А тут такой мачо! Да меня даже Витька бы понял!

– Люсь, ты ведь Лекса совсем не знаешь, – попыталась я образумить подругу.

– Ой, да брось, Лерка! – отмахнулась Скрябина. – Для того чтобы понять, что мужик – бог в постели, женщине требуется всего несколько секунд.

– Да неужели?

– Зря иронизируешь. Я тебе говорю, этот Стахов – высший класс.

Мы как раз дошли до забора, и Людка с силой дернула ручку. Калитка со скрипом распахнулась. «Надо бы петли смазать» – мелькнула мимолетная мысль.

– Лер, правда, уступи его мне, а? – не отставала Людка. – Все равно ведь у вас с ним ничего не выйдет.

– Это еще почему?

Я озадаченно уставилась на Скрябину.

– Потому что сбежит после первой же ночи, как и все остальные, – криво усмехнулась Людка. – В итоге, ни тебе, ни мне не достанется, – она бросила взгляд на часы и приглушенно выругалась. – Все, опаздываю уже! Потом договорим.

Подруга нырнула в машину, сунула ключ в замок зажигания, мотор надсадно затарахтел, и из трубы повалил едкий дым.

– Вечером заеду! – крикнула Людка, вырубивая на дорогу.

Я только головой покачала. Скрябина в своем репертуаре! Пришла, увидела... и нашла себе проблему.

\*\*\*

День пролетел незаметно. Лекс сразу после завтрака ушел по своим таинственным делам, Этьен добросовестно разобрал старый хлам в сарае и отправился на вечерний рынок с длинным списком продуктов, а Ричард, словав целую миску мясного ассорти, растянулся на подоконнике и задремал. Правда, время от времени он приоткрывал глаза, контроли-

руя происходящее на кухне.

– Как думаешь, что нужно от меня этому Стахову? – помешивая сливочный соус, спросила я у хвостатого квартиранта.

Кот лениво приподнял морду.

– Ведь зачем-то он остановился в моем доме, – рассуждала я вслух. – Наверняка у него есть какая-то цель. И тетюшка не зря записку написала. «Выдели подателю сего...» – передразнила я тетю Леку. – Легко сказать! Интересно, что за дела у нее были с питерским мачо?

Ричард посмотрел на меня умудренным жизнью взглядом. «Все тлен и суета» – казалось, говорил он. Правда, спустя секунду в глазах кошачьего философа появился живейший интерес – Рич увидел, как я достаю из холодильника форель, и тут же с истошным воплем спрыгнул с подоконника. На ленту он зацепил когтями штору. Карниз дрогнул, но выдержал.

– Ты же только что поел, – хмыкнула я.

– Ма-ау! – раздался возмущенный ответ.

– Рыбу не дам. Жди ужина.

– Мя-а?

Ричард жалобно уставился мне в глаза.

– Не прикидывайся, Ричик. Не нужно делать вид, что ты неделю голодал.

Кошарик очень натурально вздохнул. Повисшая на двух петлях штора печально качнулась.

– Не проси, все равно не дам, – решила я проявить твер-

дось. – Не раньше ужина.

Кот обиженно мяукнул, вспрыгнул на стул, стащил со стола ломтик огурца и громко захрустел.

«Что ж, мы не гордые, – говорил весь его вид. – Можем и овощами обойтись».

Я только усмехнулась и взялась за приготовление маринада.

– Лерочка, я все купил, только шпинат не нашел! – послышался голос Этьена, а вскоре и сам «родственник» появился на кухне. С двумя большими пакетами и с авоськой, из которой торчал ананас.

– Ананаса в списке не было, – строго посмотрела на бестолкового постояльца.

– Я знаю, – смутился Волошин. – Это я сам. Купил. Решил вам... тебе...

Он запутался и замолчал. Я только головой покачала. Натуральное злосчастье!

– Все остальное принес?

– Да, конечно.

Этьен поставил сумки на стол и принялся выгружать покупки.

– Молоко свежее, и сметана, – торопливо бормотал он. – А творог я домашний взял, из Первомайского привезли. У нас там луга хорошие. И масло из села. И сыр.

– Убери в холодильник. На верхнюю полку.

– Ага. Я сейчас, – закивал злосчастье. – Тут овощи еще.

Их вниз, да? В ящики?

– Яблоки оставь, я помою.

Я наблюдала за тем, как Этьен расфасовывает продукты, и неожиданно поймала себя на мысли, что постоялец выглядит на моей кухне удивительно к месту. Вся его неловкость куда-то пропала, движения стали четкими и собранными, лицо посерьезнело и больше не казалось беспомощным. Парень ловко раскладывал покупки по полкам и аккуратно распределял овощи по контейнерам. Он чуть не насвистывал, и от его былой неуверенности не осталось и следа.

– Лерочка, что еще сделать?

На меня уставились две пары зеленых глаз: Этьена и Ричарда. И если злосчастье смотрел преданно и чуть заискивающе, то кот взирал слегка обиженно и с долей сомнения. Казалось, он пытался решить, стоит повторять попытку выпросить кусочек рыбы или подождать до ужина.

– Лерочка, вы не обращайте внимания, это он вас проверяет. На самом деле, Ричард не голоден.

– Мря-а! – возмутилось пушистое чудовище.

– Рич! – повысил голос Этьен и строго уставился на питомца.

Надо же, а я и не знала, что он так умеет!

– Веди себя прилично. Что о тебе Лерочка подумает?

– Лерочка подумает, что кое-кто у нас проглот, – усмехнулась в ответ и добавила: – Ладно, давайте чай пить, работнички.

Этьен с готовностью кивнул.

– А Алексей поздно придет? – спросил он, устраиваясь за столом.

– Скорее всего.

Я разлила по чашкам чай, уселась в кресло и поджала под себя ногу. Дурацкая привычка, оставшаяся из прежней жизни. И надо бы от нее избавиться, да все как-то недосуг.

– Лерочка, а что у Стахова за дела в нашем городе?

Толстые окуляры заинтересованно блеснули. Понять бы еще, с чего вдруг Этьен решил проявить любопытство. Мне теперь все казалось подозрительным.

– Чем он занимается? – не отставал постоялец.

– Я не вникала.

– Но вы давно его знаете? – настойчиво продолжал расспросы Этьен. – Что он за человек?

– А с чего вдруг такой интерес?

Я присмотрелась к постояльцу внимательнее. Простодушный взгляд, бестолковый вид – нет, Этьен не походил ни на колдуна, ни на злоумышленника. Или он удачно маскируется?

– Ну как же, живем в одном доме, – неуверенно пояснил злосчастье.

Вся его настойчивость мигом испарилась.

– И что?

– Да нет, ничего, – смешался Волошин. – Это я так, просто.

Он схватил чашку, отхлебнул глоток горячего чая и, разумеется, тут же закашлялся.

– Что ж ты такой неловкий? – вздохнула я, постукивая его по спине.

– Бабушка говорит, что я под несчастливой звездой родился, – расстроено прошептал постоялец.

– Глупости, – усмехнулась я. – Нельзя верить в плохое. И перестань мне выкать, мы ведь, как-никак, родственники.

– Хорошо, – с грустным видом кивнул Этьен.

Он помешал ложкой чай, вздохнул и уткнулся в чашку.

– Ешь давай.

Я придвинула к нему корзинку с пирожками. Волошин выглядел таким худым и замученным, что поневоле хотелось его откормить.

– Спасибо, – слабо улыбнулся постоялец. Он немного повеселел и принялся с аппетитом уминать сдобу, а я смотрела на него и испытывала какое-то странное чувство. Нечто среднее между умилением и желанием усыновить несчастного.

«Замуж тебе пора, Лерок, – мелькнула непрошенная мысль. – Чтобы было, кого воспитывать и сопли вытирать».

«Ага. Замуж. За кого? – хмыкнула в ответ. – За Стахова? Так ему доверия нет. Может, за Этьена? Да ну, какой из него муж, недоразумение одно».

– Лерочка, а вы... ты не против, если я в библиотеку загляну? – напомнил о себе постоялец. – У вас... у тебя там

столько книг, хочу найти что-нибудь почитать.

– Бери что хочешь, – отмахнулась я от него, продолжая раздумывать о своей нелегкой судьбе.

– Спасибо, – обрадовался Этьен. Он залпом допил остывший чай, сунул в рот пирожок, быстро подхватился из-за стола и шустро вымыл за собой посуду. Я только глазами хлопала, наблюдая, как ловко он справляется.

– Еще помощь нужна?

Злосчастье застыл посреди кухни, глядя на меня преданным взглядом.

– Нет, спасибо. Иди отдыхай. Ужин в восемь, не опаздывай.

– А Алексей успеет вернуться? – уточнил Этьен.

– Не успеет – его проблемы. А чего это ты за него так переживаешь? Соскучился?

– Я? – замялся постоялец. – Нет, конечно. Это я так, просто, спрашиваю.

– Да нет, не просто. Колись, что у вас там за дела такие?

– Ну, я хотел с ним о законе больших чисел поговорить. Насколько я вчера успел понять, Алексей знаком с теоремой Бернулли, и мне было бы интересно обсудить...

– Ясно-ясно! – поторопилась я прервать злосчастье, не желая выслушивать очередную лекцию по теории вероятности. – Вот Стахов придет, тогда и поговорите, и обсудите, и докажете.

Я выпроводила Этьена с кухни и облегченно вздохнула.

Нет, все-таки занудство – это диагноз. Только начинаешь думать, что перед тобой нормальный человек, а он берет, заводит свою бодягу, и все – сразу же хочется сбежать куда подальше.

– Странный у тебя хозяин, Рич, – пожаловалась я коту, а тот посмотрел на меня с таким видом, словно хотел сказать: – «все вы, люди, странные», и лениво прикрыл глаза.

\*\*\*

Стахов вернулся ровно в восемь.

Я наблюдала из окна, как он открыл калитку, неторопливо пересек двор, вошел в дом. Все движения постояльца были четкими и собранными, ни одного лишнего. Он чем-то напоминал мне хищника. Большого такого, с жестким взглядом и неукротимой волей. Как лев, или тигр какой-нибудь.

«А может, он не колдун, а оборотень? – пришла неожиданная мысль. – А что? Если допустить, что в мире есть ведьмы и колдуны, то и остальные имеют право на существование. Или это совсем уж бред?».

Лекс прошел в свою комнату, оставил там портфель и вскоре появился на кухне, расточая аромат парфюма и сногсшибательное обаяние. Сердце радостно дрогнуло.

«Спокойно, Лерок, – приказала я себе. – Прежде чем растекаться лужицей, присмотришь к питерскому мачо повнимательнее. Вдруг он правда колдун? Или еще кто похуже».

– Как прошел день? – поинтересовался Стахов, целуя меня в щеку.

Теплые губы лишь на мгновение коснулись моей кожи, но это касание отозвалось внутри такой яркой вспышкой, что я замерла от удивления. Я не смогла разобрать, что чувствую. Это было и желание, и удовольствие, и страх. Острый, сногшибательный коктейль эмоций.

Пока я приходила в себя, Стахов прошел к столу и взял из корзинки плюшку.

– Больше визитеров не было? – надкусив сдобу, спросил он.

Взгляд постояльца казался безмятежным, но в самой его глубине на секунду мелькнул золотистый отблеск.

– Нет, – ответила я, борясь с желанием подойти к Стахову. Прижаться всем телом, пройти ладонями по его груди, поцеловать...

– Мы кого-то ждем? – поинтересовался Этьен, выводя меня из странного транса.

Злосчастье материализовался на кухне ровно в тот момент, когда Стахов открыл калитку. Следил, не иначе. В потертой клетчатой рубашке, с толстым фолиантом в руках и съехавшими на кончик носа очками, в тапках с собачками и в линялых джинсах, Волошин выглядел привычно неприкаянным и странным. Он шустро занял свое вчерашнее место, положил на стол книгу и замер, наблюдая за моими передвижениями. Чисто бездомный пес!

– Лера? – слегка обеспокоенно переспросил злосчастье.

– Подруга обещала заехать, – ответила я.

Наваждение схлынуло. Внутри наступил полный штиль. Словно бы и не было никаких странных эмоций и ощущений.

Я посмотрела на своих постояльцев.

Мне нравилось то, что дом заполнился людьми и стал живым. Никогда не любила одиночество. Что хорошего в том, чтобы довольствоваться собственным обществом? Ни поговорить, ни посплетничать, ни в картишки перекинуться. Если бы еще не собственная подозрительность...

– Какая подруга? – уточнил Стахов.

Он не стал переодеваться, оставшись в деловом костюме, лишь снял галстук и расстегнул пару верхних пуговиц. Одежда была дорогой, но эта дороговизна не бросалась в глаза. «Элегантная простота» – вспомнила я любимое выражение тети Леки.

– Та, что утром заходила? – чуть нахмурился Лекс.

– Она самая.

В скором появлении Скрябиной я не сомневалась. Чтобы Людка выпустила добычу из своих загребущих ручек? Да никогда! Если уж Скрябина чего-то захочет, она всегда этого добьется. Впрочем, эта привычка подруги была мне на руку. Я собиралась понаблюдать за Лексом и понять, как работает его обаяние, и Людка подходила для этого, как никто другой.

– Бойкая девушка, – неопределенно улыбнулся Стахов.

Ага. Именно поэтому она и годится для эксперимента. Скрыбина себя в обиду не даст.

Постоялец номер один отошел к окну и отодвинул занавеску.

– Весьма бойкая, – повторил он, но я так и не поняла, было ли это порицанием или похвалой.

– Вероятность суммы двух событий равняется сумме их вероятностей, – ни к кому не обращаясь, пробормотал Этьен.

Людка появилась через десять минут. Она лихо подрулила к дому, оставила свою девятку у незапертой калитки, влетела на кухню, расцеловалась со мной и сходу кинулась «на абордаж».

– Алексей, вы не могли бы мне помочь? Машина что-то барахлит. Посмотрите?

На лице подруги появилось такое несчастное выражение, что любой мужчина просто обязан был прийти ей на помощь. Вон, даже Этьен дернулся. Правда, потом злосчастье понял, что посыл Скрыбиной обращен не к нему, и снова уткнулся в книгу.

– Я еще вчера хотела на сервис заехать, но не успела, – продолжала «нагнетать» Скрыбина, – а теперь...

Лекс окинул Людку задумчивым взглядом. Казалось, ма-чо размышляет, стоит ли с ней связываться и чем ему аукнется эта помощь.

– Ну что ж, давайте посмотрим, что там с вашим авто, –

придя к какому-то выводу, с легкой иронией произнес он.

– Ой, замечательно! – обрадовалась Скрябина, хватая Лекса за руку. – Знаете, я всю дорогу боялась, что она остановится. Под капотом что-то так сильно грохотало. А потом в трубе ка-а-ак зарычит!

– Люсь, давай вы после ужина разберетесь, – вмешалась я, спасая своего постояльца. – Твоя машина никуда не денется, а вот рыба ждать не будет – остынет и потеряет весь вкус.

Мне не хотелось упускать парочку из виду, учитывая временную неадекватность Скрябиной и свое желание понаблюдать за Стаховым.

– Действительно, чего это я? – опомнилась Людка.

Она мгновенно поменяла планы по охмуряжу. Очаровательно улыбнувшись, подруга опустилась в кресло и закинула ногу на ногу, демонстрируя мужчинам длину и красоту своих конечностей.

– Можно и после ужина, – мурлыкнула она. – А то с утра во рту ни крошки.

– Вообще-то тут Алексей всегда сидит, – робко кашлянув, заметил Этьен.

Он закрыл книгу и поверх очков уставился на Людку.

– Ничего, уступлю даме, – с легким сарказмом заметил Стахов.

Мачо выдвинул стул, сел напротив Скрябиной и посмотрел на нее с ленивой усмешкой. В глазах его застыл холод.

– Благодарю, – томно протянула Людка.

Похоже, она совершенно не замечала ни иронии Лекса, ни его пренебрежительного тона, ни откровенной насмешки. Я наблюдала за подругой и видела знакомые симптомы. Занятное зрелище. А ведь еще не так давно я тоже была готова на все, только бы Стахов обратил на меня внимание! Ну ничего, Люся отомстит за нас обеих.

– А вы кто? – неожиданно спросила у Волошина Людка.

Этьен дернулся и растерянно уставился на улыбающуюся Скрябину.

– Я...

– Это мой дальний родственник, – поторопилась ответить я.

Не хватало еще, чтобы злосчастье что-нибудь ляпнул.

– Что-то не помню я у тебя таких родственников, – с сомнением посмотрела на меня Людка.

– Меня зовут Этьен, – с готовностью представился ботан и протянул руку. – Я Лерин троюродный брат, сын ее тети Веры.

– Забавное имя, – равнодушно сказала Скрябина, не замечая попытки Этьена обменяться рукопожатием. Она уже успела потерять к злосчастью интерес и снова переключилась на мачо. – Хотя, Алексей звучит намного круче.

Я только хмыкнула. Действительно, куда уж круче!

– Лерочка, а мы ужинать будем? – убедившись, что Людке нет до него никакого дела, жалобно спросил Этьен.

Он давно уже поглядывал на духовку, из которой доно-

сился аромат запеченной с травами форели, и в глазах его светилось нетерпение.

Я усмехнулась. Что кот, что хозяин! Оба поесть не дураки.

Ничего не ответив, расставила тарелки, водрузила на стол форму с рыбой, большой фарфоровый салатник и соусник, выдвинула ногой стул и заняла место рядом с Этьеном. Тот тут же цапнул кусок форели.

– Мальчики, кто поухаживает за дамой? – томно протянула Людка, поигрывая пустым бокалом.

– Я могу, – оторвавшись от еды, неуверенно сказал Волошин.

Как сосед по столу, он, видимо, решил взять на себя обязанности кавалера.

– Алексей? – Людка, не обратив внимания на предложение злосчастья, бросила пламенный взор на Стахова.

– Люсь, ты же за рулем, – удивилась я.

– А я сегодня у тебя переночую, – беспечно заявила Людка и снова потянулась к Лексу.

Тот молча открыл бутылку шардоне, наполнил бокал Скрябиной, плеснул немного себе и вопросительно посмотрел на меня.

– Нет, спасибо, – отказалась я.

Рядом с такими личностями, как мои постояльцы, лучше было оставаться трезвой. Я окинула взглядом собравшуюся за столом компанию. Стахов, Людка, Этьен – трудно было представить более неподходящих друг другу людей. Как при-

чудливо распорядилась судьба, собрав их всех в одном доме!

Ричард, словно почувствовав мои мысли, подтянулся ближе. Он уселся копилкой и устался на форель несчастным взглядом. После внушения Этьена кот не рисковал выпрашивать еду в открытую, но это не мешало ему всем своим видом изображать умирающего от голода.

– Алексей, а давайте выпьем на брудершафт? – продолжала «ковать железо» Людка.

Стахов едва заметно поморщился, а я злорадно улыбнулась. А вот нечего было свое обаяние показывать! Теперь Скрябина не успокоится. Она же как бульдог – если вцепится, то уже не отстанет.

– Уверены, что хотите этого?

Вопрос Лекса прозвучал удивительно серьезно.

Вместо ответа, Людка встала из-за стола, подошла к Стахову и посмотрела на него с ожиданием. Я с интересом наблюдала за знакомой сценкой. Еще не так давно я сама была участницей такого же действия. Кстати, а ведь мы с Лексом так и не выпили тогда на брудершафт! Правда, это все равно не помешало постояльцу перейти на ты.

Стахов поднялся. Людка придвинулась к нему почти вплотную, их руки переплелись, бокалы звякнули... И в этот момент Этьен, с аппетитом уминающий рыбу, чуть сдвинулся и задел локтем оставленный на краю стола соусник. Тот дрогнул, качнулся и упал на пол, забрызгав все вокруг смачными сливочными потеками.

– Проклятье! – выругался Лекс, глядя на испорченные брюки.

На темной ткани маслянисто блестели большие белые пятна.

– Простите, – вскакивая со своего места, пробормотал Этьен.

Он бестолково растопырил пальцы и растерянно уставился на чертыхающуюся Людку.

– Что ж ты такой безрукий? – ругалась Скрябина, безуспешно пытаясь оттереть с юбки сливочные потеки. – Кошмар! Теперь следы останутся.

– Я не специально, – чуть не плача, прошептал Волошин. – Я... Я все исправлю.

Он схватил салфетку, опустился перед Людкой на колени и принялся рьяно растирать соус по тонкому шелку.

– Убери руки! – прикрикнула на него Скрябина. – Ты только размазываешь.

– Извините, – пунцово покраснел Этьен и расстроено добавил: – Я нечаянно. Я же как лучше хотел.

– Бестолочь! – прошипела Людка. – И чего ты рядом со мной уселся? Кто тебя просил? Любимую юбку испортил!

– Люсь, иди в мою спальню, переоденься, – оборвала я причитания подруги. – Вещи кинь в стиралку. Лекс, ты тоже. А мы с Этьеном пока тут все уберем.

Как ни странно, ни на меня, ни на Волошина не попало ни капли. Весь соус оказался на брудершафтной парочке и

на полу, где им тут же заинтересовался Ричард.

– Какая удивительная неловкость, – еле слышно произнес Стахов.

Он окинул Этьена задумчивым взглядом, чему-то усмехнулся и повернулся к Людке.

– После вас, мадам, – иронично протянул мачо, сопровождая свои слова соответствующим жестом.

– Мадемуазель, – кокетливо поправила Людка.

– Прошу, – легонько подтолкнув «мадемуазель» в бок, произнес Стахов.

Казалось, его совсем не расстроило произошедшее. Скорее, повеселило. В светло-карих глазах едва заметно заплясали искорки, брови сдвинулись, губы скривились в ухмылке.

– Сменим официоз на что-нибудь более удобное, – добавил Лекс, уводя Людку.

Когда парочка покинула кухню, я обернулась к Этьену.

– Ну и зачем ты это сделал?

– Я случайно, – покаянно опустил глаза постоялец.

– Видела я, как ты случайно. А кто соусник к краю подвинул?

– Лерочка, вы не подумайте, – Волошин запнулся и посмотрел на меня взглядом побитой собаки. – Я не хотел, оно как-то само получилось. Я только чуть рукой шевельнул, а посуда...

– Ма-у! – неожиданно подал голос Ричард, прерывая пу-

таные объяснения злосчастья.

– Что? Все доел? – хмыкнула я, глядя на довольного кота. – Правильно, чего добру пропадать? Вот сейчас твой хозяин возьмет тряпку и швабру и начисто вымоет пол. Да, Этьен?

– Ага. Я сейчас, я мигом, – закивал постоялец.

Спустя пять минут кухня сияла чистотой, и все гости снова заняли свои места. Люська выглядела слегка недовольной – видимо, не сумела продвинуться в своих отношениях с Лексом так далеко, как хотела. Ричард развалился на подоконнике, поглядывая на всех философским взглядом. Этьен попытался еще раз извиниться, но Стахов прервал его коротким «проехали» и уткнулся в тарелку. Мачо был странно молчалив и задумчив, и явно сторонился моей подруги.

– Я правда не специально, – продолжал нудеть Волошин.

– Хватит каяться, – я незаметно ткнула постояльца в бок и положила ему еще один кусок форели. – Ешь давай.

После того, как с ужином было покончено, все перебрались в гостиную. И вот там-то Людка решила перейти к боевым действиям. Она открыла старый тетушкин проигрыватель, достала какую-то пластинку, поставила ее и, походкой от бедра, направилась к Лексу.

– Потанцуем? – предложила Люся.

По комнате поплыли звуки аргентинского танго.

Стахов прищурился. Он окинул Скрябину насмешливым взглядом, перевел его на меня и, усмехнувшись чему-то,

рывком притянул к себе мою подругу.

– Потанцуем, – резко сказал постоялец.

Скрипка выводила душещипательную мелодию, ей вторили контрабас, рояль и бандонеон. Хрустальные подвески люстры качнулись, отбрасывая на стены причудливые блики.

Лекс сделал шаг, другой, Людка прижалась к нему всем телом. Ее нога оказалась на бедре мужчины, в глазах загорелся огонь...

Я почувствовала, как сбилось дыхание. Эти двое выглядели воплощением страсти и секса. Стахов вел уверенно, слегка небрежно, он двигался так, будто танцевал всю жизнь, а Людка, с которой мы пять лет занимались в студии, оказалась для него хорошей парой.

– Лерочка, можно? – подошел ко мне Этьен.

Он протянул руку.

Я с сомнением посмотрела на постояльца.

– Ты что, умеешь?

– Да, меня бабушка научила.

Какая интересная бабушка! Живет в деревне, танцует танго... Уникум, однако.

– Ну что ж, проверим.

Я шагнула к парню и решительно вложила ладонь в его руку. Этьен не стал медлить. Он развернул меня и повел в танце. Поначалу постоялец двигался робко, словно пробуя силы, но потом забыл о своем вечном стеснении и прижал меня так, что я удивленно вскинула на него взгляд.

Сквозь толстые линзы на меня смотрели насмешливые зеленые глаза. Секунда – и Этьен моргнул, чуть сбился с шага и отвернулся. Волшебство пропало.

– Поменяемся? – послышался вкрадчивый бархатный баритон, и Стахов, не дав нам опомниться, перехватил мою руку и ловко подтолкнул Людку в объятия Этьена.

Я не успела возразить, как уже оказалась притиснута к обтянутой рубашкой груди.

– Не мог упустить такой шанс, – нагнувшись, шепнул мне на ухо Лекс.

Он резко наклонил меня, заставляя забыть обо всем, кроме танца.

И я забыла. Знойная мелодия подхватила и унесла все мои сомнения и разумные мысли, оставив только горячую пульсацию внутри и тяжелый грохот сердца.

Мир вокруг пропал. Я больше не замечала ничего, кроме блестящих темных глаз и плотно сомкнутых губ. Тело горело, двигаясь в умелых руках, дыхание сбивалось, и я уже не понимала, танец ли это, или что-то большее.

Мне неожиданно привиделась темнота спальни, смятые черные простыни, горящие свечи. Одежда исчезла, оставив тело в первозданной наготе, руки запутались в густых волосах склонившегося надо мной мужчины, губы приоткрылись в ожидании поцелуя...

\*\*\*

«Дзинь! Дзи-и-инь! Дзи-и-инь!»

Сквозь жаркие ощущения и страдающие звуки танго пробился пронзительный звонок. Наваждение схлынуло, оставив чувство потерянности и пустоты.

– Ты кого-то ждешь? – напряженно спросил Лекс.

Он крепко держал меня в руках, не позволяя отстраниться.

– Нет, – тихо ответила я.

– Тогда я пойду посмотрю, кто это?

– Идем вместе.

Стахов, не отпуская моей руки, шагнул к выходу.

– Валерия, что за безобразие?

Едва я открыла калитку, как в нее протиснулась тощая фигура мадам Гореловой.

– Почему весь тротуар заставлен автомобилями? – оттирая меня от забора и продвигаясь вперед, гневно вопрошала соседка. – Это вопиющее нарушение! Наша улица всегда отличалась образцовым порядком, а с вашим появлением у нас постоянно возникают какие-то непонятные проблемы.

Похоже, мадам имела в виду те пару-тройку случаев, когда я подначивала Горыныча, а тот вызывал полицейские наряды и устраивал настоящие учения: под пьяным командованием судьи парни штурмом брали забор, десантом выса-

живались во дворе и лихо взламывали двери дома. Но ведь я не виновата, что сосед во хмелю такой придурок? И вообще, если бы он не попытался в первый же вечер моего проживания в Яблочном залезть мне под юбку, я бы и не подумала над ним издеваться.

– Если вы сейчас же не уберете всю эту рухлядь, я вызову эвакуатор и ее увезут, – продолжала наступать на меня Горелова.

– Ирма Карловна, успокойтесь, – попыталась я образумить жену Горыныча. – Ко мне гости приехали, куда же им свои машины девать?

– На стоянку, – отрезала мадам.

Ага. До ближайшей стоянки от нас полчаса езды! А обратно пешком – не меньше часа.

– Ирма Карловна? – донесся из-за моей спины голос Стахова. – Какая приятная встреча!

Лекс вышел из тени и с улыбкой устоял на старую ведьму. Ох уж эта улыбка! Перед ней невозможно было устоять!

– Алексей? – удивленно воскликнула Горелова. Рука ее взметнулась к горлу. – Неужели вы здесь?

Я впервые видела, чтобы Ирма Карловна была так явно взволнована.

– А я слышу, музыка играет, думаю, кто это к Лерочке в гости зашел? – тон соседки моментально изменился.

– Надеюсь, мы вам не сильно мешаем? – голос Стахова звучал мягко, вкрадчиво, почти ласкающе.

– Что вы, Алекс! Я ведь все понимаю. Когда и веселиться, как не в молодости?

Ирма Карловна зарделась, и щеки ее приобрели бурачный оттенок. Свет фонаря падал на удлиненную физиономию соседки, подчеркивал ее крупный нос, тонкие губы, гладкую кожу. Для своих шестидесяти, мадам Горелова выглядела довольно неплохо, и, если бы не вечно недовольное выражение лица, вполне могла бы сойти за сорокалетнюю.

– Вы не будете против, если завтра с утра я загляну к вам с визитом? – поинтересовался Лекс.

Мачо был серьезен и почтителен, и лишь в самой глубине его глаз затаилась насмешка.

– Что вы, Алексей, буду только рада, – расплылась в улыбке мадам. – Приходите. Я ваш любимый яблочный пирог испеку.

Щеки ее зарделись еще сильнее. Я неслышно хмыкнула. Надо же, как обаяние Стахова работает!

– Тогда до встречи, – слегка склонил голову Лекс.

– Доброй ночи, – неохотно попрощалась соседка.

Видно было, что ей совсем не хочется уходить. Она топталась на месте, алчно поглядывая на приоткрытую дверь, но я не собиралась приглашать старую ведьму в дом. Пустишь раз – потом не отвяжешься.

– Можете приходить в любое время, Алекс, – ласково пролепетала мадам. – Я встаю очень рано.

– Всенепременно зайду, – иронично усмехнулся Стахов,

незаметно подталкивая Горелову к выходу.

– Так я вас жду, – не отставала та.

Лекс кивнул, сделал шаг вперед, соседка попятилась и оказалась на тротуаре.

– Хороших снов, – захлопывая калитку, пожелал ей Стахов.

Он отпустил ручку и повернул в замке ключ. А потом обернулся ко мне и широко улыбнулся.

– Не волнуйся, больше она тебя не побеспокоит.

– Похоже, ты способен обаять любую женщину, от пяти до семидесяти.

Я задумчиво посмотрела на постояльца.

– Это твое субъективное мнение, – отмахнулся Лекс. – С Ирмой Карловной мы давние приятели.

– А с ее мужем?

– Что?

– С Виктором Степановичем вы тоже приятели?

– Мы знакомы, – сухо ответил Стахов, и этот ответ сказал мне больше, чем если бы Лекс пустился в подробные объяснения.

Я кивнула и пошла к дому. Остаться наедине с мачо не хотелось.

Лекс остался стоять у калитки. Он достал сигареты, закурил и задумчиво уставился поверх забора на пустынную улицу.

– Лера, а ты хорошо знаешь своего родственника? – до-

гнал меня вопрос Стахова.

– Не особенно. А что?

– Давно он появился в городе?

Я остановилась и повернулась. В свете фонаря Стахов показался мне старше, чем обычно. Профиль выглядел резче, в жесте, которым Лекс подносил ко рту сигарету, чувствовалась усталость. Всего на мгновение окружающее подернулось рябью, и я увидела сурового мужчину с жестким лицом, в странном черном костюме и с каким-то непонятным оружием на поясе. Я не сумела разобрать, кинжал ли это, или короткий меч.

– Лера? – голос Стахова рассеял непонятное наваждение.

– Лекс, а откуда такой интерес? – настороженно присматриваясь к постояльцу, спросила я.

Видение не возвращалось.

– Мне интересно все, что касается тебя, – ответил Лекс.

Губы его дрогнули в слабой улыбке, совсем не похожей на те, что он обычно расточал женщинам.

– Неужели? С чего это вдруг?

– Ты мне нравишься, – посерьезнел Стахов.

Лицо его сейчас выглядело иначе, чем обычно – суровое выражение, резкие, почти хищные черты, глубокая морщина, залегшая между бровями.

– А, ну да, я заметила, – усмехнулась в ответ, пытаюсь избавиться от непонятного чувства, разливающегося внутри.

– Лера, – Лекс в два шага пересек разделяющее нас рас-

стояние и взял меня за руку.

Его губы оказались так близко, что я почувствовала исходящее от них тепло. От пальцев Стахова по коже побежали мурашки, волоски на шее приподнялись, дыхание сбилось...

– Вы куда пропали? – неожиданно послышался голос Люд-ки, и наваждение моментально схлынуло. – Лекс, я соскучилась! – капризно протянула Скрябина, появляясь в дверном проеме.

За ее спиной маячил Этьен.

Ох, ребята, как же вы вовремя! Не дали мне надеть глупостей.

Я готова была расцеловать недотепу-ботана и бесцеремонную Скрябину.

– Лерочка, все в порядке? – обеспокоено спросил Волошин.

– Вы чего выскочили? – не сумел скрыть своего недовольства Стахов. – Идите в дом, мы сейчас придем.

– Там телефон звонит, Леру спрашивают, – неуверенно произнес Этьен.

– Кто? – вопрос Лекса прозвучал грубо.

– Какой-то Евгений Борисович, – ответил Волошин.

Вот засада! Только Циленского не хватало. Если старый черт звонит так поздно, значит, это что-то серьезное.

Я побежала к дому.

– Лерочка, а это твой адвокат, да? – не отставал злосчастье.

– Не мой. Тетушкин.

– Мне показалось, что он сердится.

– Разберемся.

Я влетела в дом, схватила трубку и приготовилась выслушать очередную нотацию.

– Валерия, что у вас происходит? – не поздоровавшись, спросил Циленский.

Евгений Борисович говорил сердито. На другом конце провода явственно послышалось звяканье бутылки о стакан, характерные булькающие звуки, стук доньшка рюмки о поверхность столешницы. Похоже, адвокат принимал «успокоительное». Как и большинство судейских, он очень уважал водочку.

– В смысле? – удивленно переспросила я. – Ничего не происходит.

– Да? – ворчливо уточнил Циленский. – А мне Ирма Карловна звонила, жалуется, что у вас в доме пьяный дебош.

– Она так сказала?

Вот старая гримза! И чего ей нейметя?

– Да. А еще госпожа Горелова недовольна тем, что возле дома припаркованы машины, – брюзгливо произнес адвокат.

В трубке снова послышался звон стекла.

– Это запрещено?

– Лера, поймите меня правильно, – голос адвоката зазвучал мягче и вкрадчивее. – Я должен следить за выполнением условий завещания. Если на вас жалуется Ирма Карловна,

значит, вы нарушаете семнадцатый пункт, в котором говорится о благопристойном поведении и мирном сосуществовании с соседями. Боюсь, я буду вынужден приехать и разобраться на месте.

Возразить я не успела. Стахов забрал у меня трубку и спокойно произнес:

– Добрый вечер, Евгений Борисович. Не нужно никуда приезжать. Позвоните Ирме Карловне, уверен, она заберет свои слова обратно.

Я не разобрала, что ответил Циленский, до меня долетали только какие-то междометия. Похоже, адвокат не ожидал услышать Стахова и сейчас пребывал в большом волнении. Он что-то быстро говорил, не давая Лексу вставить ни слова.

– И вам спокойной ночи, Евгений Борисович, – не дожидаясь конца тирады, пожелал Стахов.

Он положил трубку и окинул взглядом Этьена с Людкой.

– Боюсь, на сегодня веселье закончено, – сухо сказал Лекс. – Не будем создавать нашей очаровательной хозяйке ненужные проблемы.

Он развернулся и, не прощаясь, пошел в свою комнату.

– Ну, я тогда тоже пойду, – неуверенно сказал Этьен.

– Обалдеть! Вот это мужики! – фыркнула Людка. – Одиннадцать часов, а они уже спать собрались. Ну и ладно, – повернулась она ко мне. – Мы и сами можем повеселиться, да, Лерок?

– Я уже повеселилась, – хмыкнула в ответ. – Идем, Люсь,

покажу тебе комнату.

– Кошмар, – неизвестно кому пожаловалась Скрябина. – Я попала в дом престарелых.

Она отправилась за мной, бормоча что-то о скучных пенсионерах и унылых импотентах. Этьен поплелся вслед за нами.

– О, мы с вами соседи, – задумчиво заметил злосчастье, когда я открыла дверь гостевой комнаты.

– Звучит не очень обнадеживающе, – фыркнула Людка. – Лер, ты уверена, что этот твой родственник не бродит во сне и не вламывается в чужие спальни?

– Я не лунатик, – обиженно вскинулся Волошин.

– Сомневаюсь, – усмехнулась Людка, окидывая его презрительным взглядом.

– Да ладно тебе, Этьен абсолютно безобиден, – заступилась я за переминающегося с ноги на ногу ботана. – А ты чего ждешь? – повернулась к нему. – Хватит дискутировать, иди спать.

– Спокойной ночи, – пробормотал злосчастье.

Он снова был робким, неуверенным и похожим на бездомного пса. Или казался таким? Сегодняшний вечер заставил меня посмотреть на Этьена по-другому. Что, если тот просто прикидывается занудным ботаном?

Я задумчиво наблюдала, как Волошин открыл соседнюю дверь, помялся немного, оглянулся на нас и только после этого вошел, и в душе моей заворчалось сомнение. Может,

вся эта бестолковость – только маска?

– Мы идем?

Людка взяла меня под руку, заставив отвлечься от размышлений.

– Да, идем, – улыбнулась я.

Комнаты постояльцев располагались в правом крыле дома. Они шли в один ряд, одна за другой, протянувшись до самой торцевой стены. Напротив были запертые пустые спальни и среди них – одна жилая. Моя. В левой части особняка, отделенной коридором, находились кабинет, библиотека, гостиная и кухня. Второй этаж был превращен тетушкой в склад ненужных вещей. Старая мебель, картины без рам, свернутые в рулоны ковры и упакованные в коробки фарфоровые безделушки – все это было свалено в огромных пустых залах, вызывая у меня только одно желание: выкинуть этот хлам к чертовой матери.

– Ни хрена себе!

Скрябина перешагнула порог и застыла, удивленно разглядывая сиреневую гостевую.

– Твоя тетя Лека случайно не аристократкой была?

С Леокадией Серафимовной Людка ни разу не встречалась, знала о ней только из моих рассказов.

– Понятия не имею. Тетушка никогда не говорила о своем прошлом.

– Офигеть, обстановочка, – крутила головой Скрябина.

Она восхищенно рассматривала огромную кровать с ки-

сейным балдахинном, резной туалетный столик, пару изящных кресел, стоящих перед камином, толстый персидский ковер на полу, бархатные лиловые шторы, старинные картины и хрустальные бра на стенах.

– Слушай, откуда у твоей тетки было столько денег? И почему она никогда тебе не помогала?

Людка подошла к кровати, рухнула на шелковое покрывало и раскинула руки.

– Охренеть! Пока ты по всяким комнатушкам ютилась, твоя Леокадия Серафимовна в таких хоромах одна жила, – скривилась подруга.

– Я не в обиде. В конце концов, все и так мне досталось, – оборвала я ее.

Терпеть не могу обсуждать с посторонними своих родственников. Семья – это семья. Какой бы она ни была. И чужим лучше не знать, что в ней происходит.

– Ладно, Люсь, я пойду. Белье свежее, полотенца и халат – в ванной. Что-нибудь еще нужно?

– Лерка, ты что, уходишь? Я думала, мы посидим, поболтаем.

Скрябина уставилась на меня удивленным взглядом. На ее симпатичной курносой мордашке застыло обиженное выражение.

– Извини, Людок. Завтра вставать рано, а мне еще с документами разобраться нужно.

Я направилась к двери.

– Какая-то ты не компанейская стала, – проворчала подру-  
га, перекатываясь на живот. – И вообще, на себя не похожа.  
– Скажешь тоже, – махнула я рукой и вышла из спальни.

\*\*\*

Сна не было. Я ворочалась в постели уже второй час, но уснуть не получалось. То мне слышались подозрительные шорохи, то мысли тревожные лезли. Из головы не шел минувший вечер. Снова вспоминалось страстное танго, звуки музыки, крепкие руки Лекса, насмешливый взгляд Этьена. Неадекватное поведение Людки и волнение Ирмы Карловны. Последнее особенно напрягало. Что такого есть в Стахове, что все женщины при встрече с ним теряют голову? И чего так испугался Циленский, когда услышал голос Лекса?

Ричард дрых на соседней подушке, а я смотрела на него и завидовала. Мне бы тоже хотелось вот так беззаботно спать и не думать о том, что происходит.

Еле слышный скрип половиц, долетевший из коридора, заставил меня насторожиться. Кому там опять не спится?

Тихо поднявшись с постели, я подкралась к двери и прислушалась. Снаружи отчетливо доносился звук шагов. Интересно, кто из гостей шатается по ночному дому? Или это не гости?

В этот момент за дверью раздался шорох, звук удара и приглушенные ругательства:

– Черт!

– Проклятье!

– Чтоб тебя!

В коридоре явно что-то происходило.

Рывком распахнув дверь, я уставилась на потирающих лбы квартирантов и поинтересовалась:

– И по какому поводу собрание?

Свет, падающий из моей комнаты, выхватывал из темноты комично согнувшиеся фигуры. Похоже, все три постояльца вышли прогуляться и столкнулись как раз перед моей дверью.

– Блин, – скривилась Людка.

Она резко распрямилась и сдула со лба челку. Этьен поправил сползающие с носа очки. Лекс нахмурился и сделал шаг в мою сторону.

– По-моему, это уже становится традицией, – усмехнулась я, разглядывая квартирантов. – И что собрало вас на ночное randevu на этот раз?

– Я услышал шум и выглянул, – признался Этьен.

Он рассеяно потер лоб, глядя на меня честным взглядом.

– Я шла на кухню за водой, – подтянув полотенце, в которое была завернута, буркнула Скрябина.

Она искоса посмотрела на Стахова, и я поняла, какая причина вывела ее из комнаты. Похоже, Людка собиралась совершить набег на спальню мачо.

– А мне просто не спалось, захотелось выйти на улицу, –

небрежно пояснил Лекс.

Ага. Только почему-то шел он совсем в другую сторону. Не к выходу, а к моей комнате. Стахов пытался выглядеть невозмутимым, но я видела, что ему неприятно присутствие Людки и Этьена. Эти двое нарушали все его планы по моему охмуряжу.

– Ладно, – я обвела постояльцев насмешливым взглядом. – Все с вами ясно. В следующий раз постарайтесь выбирать для своих походов разное время, а то коридор узковат, все одновременно вы в нем не помещаетесь. Да и темно тут. Убиться можно.

Не став слушать возражений, развернулась и захлопнула дверь. За ней еще какое-то время слышались приглушенные голоса и возня, но потом все стихло. Похоже, квартиранты разошлись.

Выждав немного, я снова выглянула в коридор и осторожно направилась к комнате Этьена. Мне хотелось поговорить с «родственником», ждать до утра было невмоготу. Почему я должна страдать бессонницей, разгадывая непонятные шарады? Нет уж. Пришло время выяснить, отчего злосчастье ведет себя так странно. Выходка с соусником, ночные прогулки по дому, непонятные взгляды. Я до сих пор не могла забыть, как Волошин смотрел на меня в гостиной, во время танца. И тело у него под объемной рубашкой оказалось вовсе не тощим, и руки были крепкими и мускулистыми. Образ ботана разваливался на глазах, и мне было интересно узнать,

что скрывается за неприглядным фасадом.

Остановившись рядом с гостевой, подняла руку, чтобы постучать, но так и не донесла ее до двери.

В комнате раздавались мужские голоса.

– Тебе не обмануть меня, сассенау, – с угрозой говорил Лекс. В его бархатном обычно баритоне слышались металлические нотки. – Твой маскарад и грида почерневшего не стоит.

– А с чего ты решил, что это маскарад? – насмешливо уточнил Этьен.

Его голос тоже был совсем не похож на обычный. В нем появились жесткие интонации, подтверждающие мои мысли о том, что злосчастье зачем-то притворяется.

– Не трать мое и свое время, – продолжал давить Стахов. – Из какого ты клана?

– Клан? – хмыкнул Этьен. – Не понимаю, о чем ты.

– Все ты понимаешь, – отчетливо произнес Стахов и добавил: – ариброх варис вахнеши сабон.

В комнате стало тихо.

Эта тишина давила на уши. Я чувствовала, как там, за стеной, ощутимо сгущается напряжение. Будто натягивается невидимая тонкая струна. Казалось, еще секунда – и она порвется, но время шло, а ничего не менялось.

– Хорошо, раз уж ты начал этот разговор, то, может, представишься? – заговорил наконец Этьен. – В знак доверия, так сказать.

– Бриан Лексор Савенар Дессау, герцог Сасберри, – после секундной паузы высокомерно произнес Стахов.

Герцог? Я удивленно покачала головой. Вот это заявочка!

– Из северных Сасберри? – задумчиво уточнил злосчастье. Тон его изменился. В нем больше не было насмешки. – Надо же, почти соседи, – он посерьезнел и, четко выговаривая слова, сказал: – Этан Касиус Сторас Грэн, герцог Олдэни.

С моих губ слетел неслышный смешок. Еще один герцог, ни больше, ни меньше. И я сомневалась в своем душевном здоровье? Да я этим двоим в подметки не гожусь!

– Давно в России? – послышался очередной вопрос Лекса. Или как его? Бриана Лексора Чего-То-Там?

– С две тысячи пятого. А ты?

– С октября две тысячи третьего.

Мужчины замолчали. Я не решалась пошевелиться, переваривая услышанное. Если то, что они говорят – правда, то тогда получается...

Бред какой-то получается! Герцоги, дери твою за ногу! Высшая знать. В центре России.

Но, с другой стороны, если я поверила в колдунов и магию, то почему не могу допустить, что эти два типа – аристократы? Или это совсем уж за гранью нормального?

– Хочу предупредить, Этан: Лэри – моя.

Голос Стахова звучал резко. В нем чувствовались власть и угроза одновременно.

– Уверен? – насмешливо протянул Этьен. – Что-то не

больно она на тебя реагирует.

– Ничего. Все впереди.

– Да неужели? – ехидно спросил злосчастье.

– Не пытайся мне помешать, мальчишка, – в голосе Стахова послышались низкие рычащие нотки.

– Если бы ты играл честно, я бы не вмешивался, – спокойно ответил Этьен. – Когда ушла Леокадия, я...

Дослушать я не успела.

– Лерка? Ты чего здесь стоишь? – неожиданно раздался за моей спиной удивленный шепот Скрябиной.

Подруга неслышно возникла рядом.

– А ты какого гоблина по ночам бродишь? – обернувшись, прошипела в ответ.

Хотя, о чем я спрашиваю? Дураку понятно, какого. Людка упорно пытается разнообразить свою сексуальную жизнь, и подруге плевать на то, что Лексу нет до нее никакого дела.

– Можно подумать, ты не догадываешься! – съязвила Скрябина. – И хватит своих дурацких гоблинов поминать, достала уже! Взрослая баба, а все никак «Властелина колец» не перерастешь!

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.